

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 37

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1906–1910 гг.

Лев Николаевич Толстой
Полное собрание
сочинений. Том 37.
Произведения 1906–1910 гг.
Серия «Весь Толстой в один клик»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6562481

Содержание

Лев Николаевич	5
Предисловие к электронному изданию	7
ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1906—1910	11
ПРЕДИСЛОВИЕ	14
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ	28
ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1906—1910	30
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ	30
ВОЛК	30
РАЗГОВОР С ПРОХОЖИМ	31
** ПРОЕЗЖИЙ И КРЕСТЬЯНИН	34
ПЕСНИ НА ДЕРЕВНЕ	43
СТАТЬИ	51
НАШЕ ЖИЗНЕПОНИМАНИЕ	51
БЕСЕДЫ С ДЕТЬМИ ПО	62
НРАВСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ	
НЕ УБИЙ НИКОГО	74
I	74
II	76
III	78
IV	79
V	81
VI	83
VII	85

VIII	86
IX	90
X	95
XI	97
ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА	99
ВЕРЬТЕ СЕБЕ	111
[ВОСПОМИНАНИЯ О СУДЕ НАД СОЛДАТОМ]	116
[ПО ПОВОДУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В. А. МОЛОЧНИКОВА]	129
НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ	141
I	141
II	146
III	149
IV	152
V	156
VI	158
VII	161
УЧЕНИЕ ХРИСТА, ИЗЛОЖЕННОЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ	163
ПРЕДИСЛОВИЕ	163
УЧЕНИЕ ХРИСТА	164
Конец ознакомительного фрагмента.	195

Лев Николаевич Толстой

Полное собрание сочинений. Том 37. Произведения 1906—1910 гг.

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1956

Электронное издание осуществлено

в рамках краудсорсингового проекта

[«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы:

[Государственный музей Л.Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания АБВУУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 37-го тома

Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предостав-

ленной

[Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
info@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в

электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Л. Н. Т О Л С Т О Й

П О Л Н О Е С О Б Р А Н И Е С О Ч И Н Е Н И Й

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М

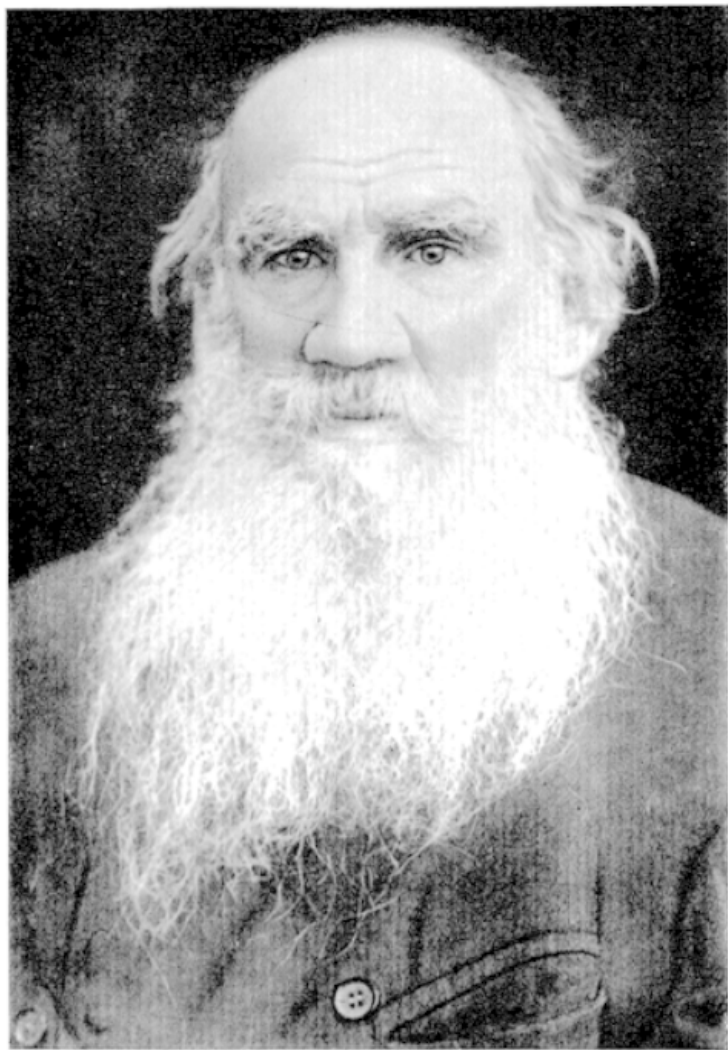
37

Перепечатка разрешается безвозмездно

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1906—1910

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

**В. С. МИШИНА, П. С.
ПОПОВА, В.С. СПИРИДОНОВА**

Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1908

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 37-м томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого продолжается публикация его произведений, написанных в последние годы жизни. Здесь помещены относящиеся к 1906—1910 гг. художественные произведения, статьи, очерки.

Для правильной оценки включенных в этот том произведений следует учитывать систему взглядов Толстого в целом, в их совокупности, во всей сложности переплетения сильных и слабых сторон. Эти взгляды выражены не только в произведениях Толстого, но также в его дневниках и письмах, в которых читателю раскрывается потрясающая картина мучительных переживаний, вызванных у писателя все более и более ухудшавшимся положением народа, политической реакцией в стране, поисками пути изменения действительности и полным непониманием единственно возможного пути — революционной борьбы.

Годы, к которым относятся публикуемые в 37-м томе произведения, это годы безудержного террора, которым царское правительство стремилось задушить революционную борьбу. Истекающая кровью страна была покрыта виселицами, тюрьмы были переполнены, всякие проявления революционного протеста жестоко карались. Либеральная буржуазия, с ликованием встретившая поражение революции 1905—1907 гг., всемерно помогала самодержавию обманывать на-

род. Обнищание масс дошло до предела. Но гнев народа не мог быть подавлен никакими репрессиями и нарастал с каждым днем. Настроения пассивизма, непротивления, выражавшие слабые стороны взглядов крестьянства и нашедшие отражение и во взглядах Толстого, стали постепенно изживаться в массах под могучим влиянием пролетарской революционной борьбы и уроков первой русской революции.

Вся эта совокупность условий русской жизни нашла отражение и в эволюции Толстого, писателя, который переживал народные бедствия с такой силой, что страдания крестьянства стали его собственными страданиями.¹

В последний период жизни Толстой, при всех кричащих противоречиях своих взглядов, при всей интенсивности пропагандирования реакционной теории непротивления злу, не только не перестал быть обличителем существовавшей политической системы, но сам все отчетливее осознавал свой гражданский долг писателя, срывающего с правящей верхушки и эксплуататорских классов все и всяческие маски.

Великая роль Толстого-обличителя с особенной силой стала очевидной в 1908 г., когда все передовое человечество отметило восьмидесятилетие со дня его рождения. Всемирно-историческое значение Толстого тогда получило оценку от имени революционной России в статье Ленина «Лев Тол-

---

¹ Более подробную характеристику взглядов Л. Н. Толстого в последние годы его жизни см. в предисловии к тому 77 настоящего издания.

стой, как зеркало русской революции». Ленин охарактеризовал взгляды гениального художника как отражение силы и слабости крестьянской революционности в эпоху 1861—1904 гг. Он с гордостью писал о Толстом как страстном обличителе существовавшей системы, беспощадном критике эксплуатации и рабства, враге самодержавия, выразителе настроений широчайших масс крестьянства. И в то же время Ленин учил отделять в творчестве Толстого то, что принадлежит будущему, от того, что ушло в прошлое. Великий вождь пролетариата указал на опасность, которую представляло для судеб русской революции «толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании».²

Трудовой народ в приветствиях, посланных Толстому в связи с юбилеем, выразил свою горячую любовь и благодарность за его самоотверженную деятельность обличителя и критика. Так, в послании рабочих Балтийского судостроительного завода говорилось:

«Из душных мастерских завода мы, люди тяжелого труда и тяжелой доли, сыновья одной с Вами несчастной родной матери, шлем Вам привет, чтя в лице Вашем национального гения, великого художника, славного и неутомимого искателя истины. Мы, русские рабочие, гордимся Вами как национальным сокровищем, и лишь хотели бы, чтобы и могучему созидателю новой России – рабочему классу – природа дала

---

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 185.

своего Льва Толстого».

И в то же время своей обличительной деятельностью Толстой вызывал острую ненависть царского правительства, правящих классов, церкви. Реакционная пресса все более усиливала погромную травлю писателя, либералы в своих лживо-лицемерных писаниях грубо извращали сущность его творчества. Царское правительство всеми силами пыталось (как откровенно признала официозная газета «Россия») пресечь «стремления придать почитанию гр. Толстого характер общественного сочувствия его деятельности, направленной против православной веры, против государства и государственных установлений».³ Разгул черносотенной травли дошел до таких пределов, что Иоанн Кронштадтский сочинил «молитву» о скорейшей смерти Толстого, а епископ Гермоген опубликовал «архипастырское обращение», содержащее отъявленные ругательства по адресу писателя.

Однако никакая травля не могла остановить обличительную деятельность Толстого. До конца своих дней он остался верен своему убеждению в том, что необходимо неустанно «обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат».⁴ Еще в 1890-х гг., в связи с преследованиями за статью «О голоде», он писал: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни

---

³ «Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

⁴ Т. 54, стр. 52.

богатым классам... и пишу не нечаянно, а сознательно...»⁵ О том, что он не прекратит обличений существующих порядков, несмотря ни на какие репрессии, Толстой открыто заявил правительству в статье «По поводу заключения В. А. Молочникова» (1908).

Но, как отметил Ленин, «противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие».⁶ Замечательно сильный, искренний протест, гениальные обличения социальной несправедливости и лжи сочетались в деятельности писателя с проповедью нравственного самоусовершенствования, всепрощения, с надеждами на возможность отказа власть имущих от зла, их перевоспитания и т. д. Толстой – «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».⁷

Противоречивость взглядов Толстого со всей отчетливостью выразилась и в одном из самых лучших его публицистических произведений – статье «Не могу молчать» (1908).

Эта статья, вызванная все возраставшим столыпинским террором, имела огромный резонанс. Мировое обществен-

---

⁵ Т. 84, стр. 128.

⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т.15, стр. 180.

⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 295.

ное мнение высоко оценило протест великого писателя против массовых казней революционеров и восставших крестьян. Несмотря на то, что «Не могу молчать» было напечатано за границей и могло появиться в России легально только в отрывках, этот, как тогда говорили, «манифест Толстого» получил большую известность.

Как следует из Дневника Толстого, непосредственным поводом к написанию статьи явились газетные сообщения о казни через повешение в Херсоне крестьян «за разбойное нападение на усадьбу землевладельца»⁸. Однако содержание статьи оказалось значительно шире даже весьма острой и важной самой по себе темы о самодержавно-полицейском терроре: это было суровое обвинение всему существовавшему строю. Толстой подчеркнул, что террор был выражением непримиримой вражды царского правительства к представителям «лучшего сословия народа». Говоря о двенадцати казненных крестьянах, писатель продолжал: «...делается это, не переставая годами, над сотнями и тысячами таких же обманутых людей, обманутых теми самыми людьми, которые делают над ними эти страшные дела». Толстой говорит, что двенадцать казненных – это люди, «на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь» и что задушены они «теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают...»

Обличение правящих классов, «высшего сословия», глу-

---

⁸ См. запись в Дневнике 12 мая 1908 г.

боко враждебного народу, составляет пафос всей статьи. С ненавистью говорит Толстой о царском правительстве, которое ввело в систему казни «для достижения своих целей», о том, что «представители христианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными служителями», совершают «величайшие преступления, ложь, предательство, всякого рода мучительство...» Толстой гневно опроверг обычные утверждения царских чиновников и попов о том, что смертные казни – это единственное средство успокоения народа. Обличая правительство, он писал: «Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете...»

Как и в других своих статьях, Толстой указывал, что освобождение земельной собственности, передача ее народу является важнейшей задачей, без выполнения которой никакие «усмирения» и «успокоения» невозможны. В ужасах, происходивших в России, Толстой винил весь правительственный аппарат «от секретарей суда до главного министра и царя», – участников «ежедневно совершаемых злодеяний».

Но этот беспощадно-резкий и смелый протест, отражавший настроения народа, совмещался в статье «Не могу молчать» с увещаниями, основанными на религиозно-нравственном учении, увещаниями, обращенными к тем людям,

которые покрыли Россию виселицами. «Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете, – писал Толстой в заключении статьи. – Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас». Однако этому предшествовала критика революционеров с позиций непротивления, то есть критика той единственной силы, которая только и могла смести до основания ненавистный Толстому строй угнетения и рабства.

Определяющей и самой сильной стороной статьи является позиция Толстого-обличителя. В том, что он выступал своей статьей прежде всего в этой роли, свидетельствуют и его собственные признания. «Знаю я, – пишет Толстой, – что все люди – люди, что все мы слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго боролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти люди». И далее следуют знаменательные слова: *«Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством»*. Толстой признает, что не выступать с обличением людей, совершающих преступления, – все равно что быть участником преступлений, быть в кругу тех людей, которыми порождена «нищета народа, лишенного первого, самого естественного права чело-

веческого, – пользования той землей, на которой он родился». С ненавистью ко всем виновникам народных бедствий, с страстью негодования Толстой восклицал:

«Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду».

И далее он заявлял о своем намерении обличать и бороться против зла, утверждая: «...буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее...»

Обличительная сила статьи «Не могу молчать» была так велика, что перекрывала места, выразившие слабые, реакционные стороны толстовского учения. Это было очевидно и для сторонников реакции. Статья смогла быть отпечатана в России только нелегально. В Севастополе издатель газеты, напечатавший ее, был арестован, другие газеты штрафовались даже за помещение отдельных отрывков. Апологеты самодержавия реагировали на статью с бешеной злобой, – это выражалось и в письмах, которые приходили в Ясную Поляну. До какого озверения доходили те, против которых было направлено обличение Толстого, свидетельствует следующий факт. В день восьмидесятилетия на его имя пришла посылка с веревкой и письмом такого содержания: «Граф. Ответ на ваше письмо.⁹ Не утруждайте правительство, можете сделать это сами, не трудно. Этим доставите благо нашей ро-

---

⁹ «Письмом» названо «Не могу молчать», где Толстой, в порыве негодования и скорби, писал о том, что он хотел бы заключения в тюрьму и готов разделить участь повешенных крестьян.

дине и нашей молодежи».

Характерно, что официозная «Россия» в статье, посвященной «Не могу молчать», утверждала, что Толстой «по всей справедливости» должен бы быть заключенным «в русскую тюрьму», если бы этому не мешала его известность как художника.¹⁰

Марксистская истина, согласно которой ложные взгляды не могут быть выражены в действительно высокой художественной форме, находит свое подтверждение и в некоторых включенных в 37-й том произведениях. Всюду, где Толстой пишет о реальных процессах, происходивших в самой действительности, всюду, где он изображает реальные поступки людей в типических обстоятельствах, виден величайший художник, автор таких шедевров мировой литературы, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». И вместе с тем те страницы произведений, которые заняты морализированием и подчинены пропаганде реакционных идей непротivления и самоусовершенствования, носят чисто иллюстративный характер к заранее заданной теме, лишены живописной образности, яркости описаний. Это относится и к таким произведениям, как «Разговор с прохожим», и к статьям. Достаточно сравнить с этой точки зрения темпераментно-страстные, обличительные страницы «Не могу молчать» и стилистически однообразную, не содержащую ни одного яркого образа статью «Любите друг друга» с ее ложной

---

¹⁰ «Точка над і». «Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

идеями о том, что «подчиненным и бедным» даже легче «исполнить учение любви», смириться, чем «властвующим, богатым». В произведении «Кто убийцы? Павел Кудряш» самые впечатляющие и горячие строки посвящены описанию того, как зарождалось и развивалось у Павла стремление бороться с окружающей несправедливостью.

В. И. Ленин, так высоко оценивший всемирно-историческое значение Толстого еще при жизни писателя, вместе с тем со всей резкостью писал о вреде толстовской проповеди «одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно религии...», о его стремлении «поставить на место попов по казенной должности, попов по нравственному убеждению», о культивировании «самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины». ¹¹ Отсюда очевиден и реакционный смысл религиозных произведений Толстого. В одном из своих писем к Горькому Ленин разъяснил, почему «всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой...» – особенно опасно. «Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки». ¹² В какие бы наряды ни рядилась идея бога, она всегда направлена против научного понимания жизни и ее закономерностей, разору-

---

¹¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

¹² В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 90.

жая человека в его борьбе за изменение действительности, за осуществление в сознательной практической деятельности великих социальных задач.

К чести Толстого, его религиозно-нравственное учение нередко вызывало у него самого мучительные сомнения.

Изучение произведений, писем, Дневников Толстого последних лет его жизни говорит о том, что после революции 1905—1907 гг. он, хотя и сохраняя систему своих взглядов, все же не мог не отразить в какой-то степени сдвиги, произошедшие в крестьянстве. Сомнения и колебания Толстого в истинности своего религиозно-нравственного учения нельзя рассматривать только как противоречия его личной мысли, — такая постановка вопроса противоречит ленинскому подходу к литературе.

К концу жизни Толстой, впадая в еще более разительные противоречия, вместе с тем стал высказывать сомнения в правильности своих рассуждений о «всеобщей любви» и «непротивлении» как способе устранения социального зла. Об этом свидетельствуют многие его признания, сделанные для себя и лишь сравнительно недавно ставшие достоянием читателей. Так, например, в 1909 г., когда Толстой так активно пропагандировал идею «всеобщей любви», он записал в своем Дневнике: «Главное, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.».¹³ Вопреки своему принципу отрицания революционно-

---

¹³ Т. 57, стр. 200.

го насилия, он вынужден был признаться самому себе: «Мучительное чувство.... унижения, забитости народа. Простительна жестокость и безумие революционеров». ¹⁴ А по поводу своей религии он однажды записал: «Страшно сказать, но что же делать, если это так, а именно, что со всем желанием жить только для души, для бога, перед многими и многими вопросами остаешься в сомнении, нерешительности». ¹⁵

Все эти трагические раздумья Толстого были вместе с тем отражением тех благотворных сдвигов, которые происходили в сознании русского крестьянства после революции 1905—1907 гг. Еще в середине 1904 г. Толстой заметил, что время, когда народ «хотел обожать и покоряться», уже прошло: «Теперь же народ уже не обожает и не только не хочет покоряться, но хочет свободы». ¹⁶ В предисловии к альбому картин Н. Орлова «Русские мужики» Толстой, хотя «...с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением...» ¹⁷, но констатировал, что русский народ с удивительной скоростью научился делать революцию. И в самом деле, русский народ, накапливая революционную энергию, учась на опыте 1905 г., шел навстречу великому перевороту, обозначившему новую эпоху всемирной истории. В ходе подго-

---

¹⁴ Т. 57, стр. 82.

¹⁵ Т. 58, стр. 65.

¹⁶ Т. 55, стр. 62.

¹⁷ Слова Ленина об этом предисловии (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 251).

товки к этому перевороту революционная Россия взяла на вооружение наследие Толстого-реалиста и обличителя и, во имя торжества великих идей свободы и справедливости, безоговорочно отвергла и осудила «толстовщину», ушедшую в прошлое.

Б. Мейлах

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание текста.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в прочтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся

один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в прочтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означает, что текст печатается впервые; ** – что текст напечатан был впервые после смерти Толстого.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1906—1910

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ВОЛК

Был один мальчик. И он очень любил есть цыплят и очень боялся волков.

И один раз этот мальчик лег спать и заснул. И во сне он увидал, что идет один по лесу за грибами и вдруг из кустов выскочил волк и бросился на мальчика.

Мальчик испугался и закричал: «Ай, ай! он меня съест!»

Волк говорит: «Постой, я тебя не съем, а я с тобой поговорю».

И стал волк говорить человеческим голосом.

И говорит волк: «Ты боишься, что я тебя съем. А сам ты что же делаешь? Ты любишь цыплят?»

– Люблю.

– А зачем же ты их ешь? Ведь они, эти цыплята, такие же живые, как и ты. Каждое утро – пойди, посмотри, как их ловят, как повар несет их на кухню, как перерезают им горло,

как их matka кудачет о том, что цыпляют у нее берут. Видел ты это? – говорит волк.

Мальчик говорит: «Я не видел».

– А не видел, так ты посмотри. А вот теперь я тебя съем. Ты такой же цыпленочек – я тебя и съем.

И волк бросился на мальчика, и мальчик испугался и закричал: «Ай, ай, ай!» Закричал и проснулся.

И с тех пор мальчик перестал есть мясо – не стал есть ни говядины, ни телятины, ни баранины, ни кур.

Лев Толстой.

РАЗГОВОР С ПРОХОЖИМ

Вышел рано. На душе хорошо, радостно. Чудное утро, солнце только вышло из-за деревьев, роса блестит и на траве, и на деревьях. Всё мило и все милы. Так хорошо, что умирать не хочется. Точно не хочется умирать. Пожил бы еще в этом мире с такой красотой вокруг и радостью на душе. Ну, да это не мое дело, а хозяина...

Подхожу к деревне, против первого дома, на дороге, ко мне боком стоит, не двигается человек. Очевидно, ждет чего-то или кого-то, ждет так, как умеют ждать только рабочие люди, без нетерпения, без досады. Подхожу ближе – крестьянин, бородатый, косматый, с проседью, здоровенный, простое рабочее лицо. Курит не цыгарку бумажную, а трубочку. Поздоровались.

– Где тут Алексей, старик, живет? – спрашиваю.

– Не знаю, милый, мы не здешние.

Не я не здешний, а *мы* не здешние. Одного русского человека почти никогда нет (нечто когда он делает что-нибудь плохое, тогда – я). А то семья – мы, артель – мы, общество – мы.

– Не здешние? Откуда же?

– Калуцкие мы.

Я показал на трубку.

– А сколько в год прокуришь? Рубля три, я чай?

– Три? Не справишься еще на три.

– А что бы бросить?

– Как ее бросишь, привычка.

– Я тоже курил, бросил; как хорошо, легко.

– Известное дело. Да скучно без ней.

– А брось, и скуки не будет. Ведь хорошего в ней мало.

– Чего же хорошего.

– Не хорошо, так и делать не надо. На тебя глядя и другой станет. А пуще всего молодые ребята. Скажут: вот старый курит, а нам и бог велел.

– Так-то так.

– И сын станет, на тебя глядя.

– Известное дело, и сын тоже...

– Так брось.

– Бросил бы, да скучно без ней, едят ее мухи. От скуки больше. Станет скучно, сейчас за нее. Вся беда – скучно. Так

скучно другой раз... скучно, скучно, – протянул он.

– А от скуки лучше о душе подумать.

Он вскинул на меня глазами, лицо его вдруг стало совсем другое, внимательное, серьезное, не такое, как прежде, добродушно-шутливое, бойкое, краснобайное.

– Об душе подумать, об душе, значит, – проговорил он, пытливо глядя мне в глаза.

– Да, о душе подумаешь и все глупости оставишь.

Лицо его ласково просияло.

– Верно это, старичок. Верно ты говоришь. Об душе первое дело. Первое дело об душе. (Он помолчал.) Спасибо, старичок. Верно это. (Он указал на трубку.) Это что, одни пустяки, о душе первое дело, – повторил он. – Верно ты говоришь. – И лицо его стало еще добрее и серьезнее.

Я хотел продолжать разговор, но к горлу что-то подступило (я очень слаб стал на слезы), не мог больше говорить, простился с ним и с радостным, умиленным чувством, глотая слезы, отошел.

Да как же не радоваться, живя среди такого народа, как же не ждать всего самого прекрасного от такого народа?

9 сент. 1909.

Крекшино.

** ПРОЕЗЖИЙ И КРЕСТЬЯНИН

В крестьянской избе. Старик проезжий сидит на коннике и читает книгу. Хозяин, вернувшись с работы, садится за ужин и предлагает проезжему. Проезжий отказывается. Хозяин ужинает. Отужинав, встает, молится и подсаживается к старику.

Крестьянин. По какому, значит, случаю?..

Проезжий (*снимает очки, кладет книгу*). Поезда нет, только завтра пойдет. На станции тесно. Попросился у бабы у твоей переночевать. Она и пустила.

Крестьянин. Что ж, ничего, ночуй.

Проезжий. Спасибо. Ну, что ж, как по теперешнему времени живете?

Крестьянин. Какая наша жизнь? Самая плохая!

Проезжий. Что ж так?

Крестьянин. А оттого так, что жить не при чем. Такая наша жизнь, что надо бы хуже, да некуда! Вот у меня девять душ, все есть хотят, а убрал шесть мер, вот и живи тут. По неволе в люди пойдешь. А пойдешь наниматься, цены сбиты. Что хотят богатые, то с нами и делают. Народа размножилось, земли не прибавилось, а подати, знай, прибавляют. Тут и аренда, и земские, и поземельные, и мосты, и страховка, и десятскому, и продовольственные – всех не перечтешь, и попы, и бары. Все на нас ездят, только ленивый на нас не

ездит.

Проезжий. А я думал, что мужички нынче хорошо жить стали.

Крестьянин. Так-то хорошо жить стали, что по дням не емши сидят.

Проезжий. Я потому думал, что очень уж деньгами швырять стали.

Крестьянин. Какими деньгами швырять стали? Чудно ты говорить. Люди с голоду помирают, а он говорит: деньгами швыряются.

Проезжий. А как же, по газетам видать, что в прошлом году на 700 миллионов, – а миллион ведь это тысяча тысяч рублей, – так на 700 миллионов вина мужички выпили.

Крестьянин. Да разве мы одни пьем? Погляди-ка, как ее попы окалызывают, за первый сорт. А бары-то тоже спуску не дают.

Проезжий. Всё это малая часть, большая часть на мужиков приходится.

Крестьянин. Так что же, и пить уже ее не надо?

Проезжий. Нет, я к тому, что если на вино в год дуром 700 миллионов швыряют, так, значит, еще не так плохо живут. Шутка ли – 700 миллионов – и не выговорить.

Крестьянин. Да как же без ней-то? Ведь не нами заведено, не нами и кончится; и престол, и свадьбы, и поминки, и магарычи: хочешь не хочешь – нельзя без ней. Заведено.

Проезжий. Есть же люди, что не пьют. А живут же. Хоро-

шего ведь в ней мало.

Крестьянин. Чего хорошего, акромья плохого!

Проезжий. Так и не надо бы пить ее.

Крестьянин. Да пей, не пей, всё равно жить не при чем. Земли нет. Была бы земля, всё бы жить можно, а то нет ее.

Проезжий. Как нет ее? Мало ли ее? Куда ни погляди, везде земля.

Крестьянин. Земля-то земля, да не наша! Близок локоть, да не укусишь!

Проезжий. Не ваша? Чья же она?

Крестьянин. Чья? Известно чья. Вот он, толстопузый черт, захватил 1700 десятин, сам один, и всё ему мало, а мы уже и кур перестаем держать – выпустить некуда. Впору и скотину переводить. Кормов нету. А зайдет на его поле теленок али лошадь – штраф, продавай последнее, ему отдавай.

Проезжий. Да на что же ему земли-то столько?

Крестьянин. На что ему земля? Известно на что: сеет, убирает, продает, денежки в банку кладет.

Проезжий. Да где же ему такую Палестину вспахать да убрать?

Крестьянин. Точно ты махонький. На то у него деньги, наймет рабочих, они и пашут и убирают.

Проезжий. Рабочие-то, я чай, тоже из ваших?

Крестьянин. Которые наши, которые чужие.

Проезжий. Да ведь всё же из крестьян?

Крестьянин. Известно, из нашего же брата. Кто же, акро-

мя мужика, работает? Известно, мужики же.

Проезжий. А кабы не шли к нему мужики на работу...

Крестьянин. Ходи не ходи, всё равно не даст. Будет пустовать земля, а дать – не даст. Собака на сене, сама не ест, другим не дает.

Проезжий. Да как же он свою землю убережет? Ведь, я чай, верст на пять? Где же ему поспеть укараулить?

Крестьянин. Чудно ты говоришь. Он на боку лежит, брюхо отращивает, на то у него сторожа.

Проезжий. А сторожа-то, гляди, опять из ваших?

Крестьянин. А то из каких же, известно из наших же.

Проезжий. Значит, мужики сами для господ землю обрабатывают, да еще сами ее от себя караулят?

Крестьянин. Как же быть-то?

Проезжий. А так и быть, что не ходить к нему на работу, да и в сторожа не наниматься, тогда бы земля вольная была. Земля божья и люди божьи, паши, сей, убирай, кому нужно.

Крестьянин. Забастовку, значит? На это, брат, у них солдаты есть. Пришлют солдат – раз, два, пали – кого расстреляют, а кого заберут. С солдатами разговор короткий.

Проезжий. Да ведь солдаты тоже из ваших? Зачем же они своих стрелять будут?

Крестьянин. А то как же, на то присяга.

Проезжий. Присяга? Это что же присяга?

Крестьянин. Аль ты не русский? Присяга – одно слово присяга.

Проезжий. Клянутся, значит?

Крестьянин. А то как же? На кресте, евангелии присягают за престол-отечество живот положить должен.

Проезжий. А на мой разум, не надо бы этого делать.

Крестьянин. Чего не надо бы?

Проезжий. Присягать не надо.

Крестьянин. Как же не надо, когда в законе положено?

Проезжий. Нет, в законе нет этого. В законе Христовом прямо запрещено: не клянись, говорит, вовсе.

Крестьянин. Ну? Как же попы-то?

Проезжий *(берет книгу, раскрывает, ищет и читает:)*
«Вам сказано: держи клятвы, а я говорю – не клянись вовсе. Но да будет слово ваше «да, да», «нет, нет», а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. гл. V, ст. 33, 38). Значит, по Христову закону нельзя клясться.

Крестьянин. А не будут присягать, и солдат не будет.

Проезжий. А на что же их, солдат-то?

Крестьянин. Как на что? А как если на нашего царя да чужие цари пойдут, как же тогда?

Проезжий. Сами цари ссорятся, сами пускай и разбираются.

Крестьянин. Ну! Да как же так?

Проезжий. А так, что кто в бога верит, тот, что ему ни говори, убивать людей не станет.

Крестьянин. Почему же поп в церкви указ читал, что война объявилась, чтоб запасные собирались?

Проезжий. Про это не знаю, а знаю, что в заповедях – в 6-й прямо сказано: не убий. Запрещено, значит, человеку человека убивать.

Крестьянин. Это, значит, дома. А на войне-то как же без этого? Враги, значит.

Проезжий. По Христову евангелию врагов нету, всех любить велено. *(Раскрывает евангелие и ищет.)*

Крестьянин. Ну-ка, почитай!

Проезжий *(читает)*. «Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду. А я говорю вам, что всякий гневающийся на брата подлежит суду». Еще сказано: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. гл. V, ст. 43, 44).

(Продолжительное молчание.)

Крестьянин. Ну, а подати как же? Тоже не отдавать?

Проезжий. Уж это как сам знаешь. Если у тебя самого дети голодные, так известное дело, прежде своих накормить.

Крестьянин. Так, значит, вовсе и солдат не надо?

Проезжий. А на кой их ляд? Миллионы да миллионы с вас же собирают, шутка ли прокормить да одеть ораву такую. Близу миллионов дармоедов этих, а польза от них только та, что вам же земли не дают да вас же стрелять будут.

Крестьянин *(вздыхает и качает головой)*. Так-то так. Да

кабы все сразу. А то упрись один или два, застрелят или в Сибирь сошлют, только и толков будет.

Проезжий. А есть люди и теперь, и молодые ребята, поодиночке, а стоят за божий закон, в солдаты не идут: не могу, мол, по Христову закону быть убийцей. Делайте, что хотите, а ружья в руки не возьму.

Крестьянин. Ну и что же?

Проезжий. Сажают в арестантские – сидят там, сердешные, по три, по четыре года. А сказывают, там хорошо им, потому начальство тоже люди, уважают их. А других и вовсе отпускают – говорят: не годится, слаб здоровьем. А он кося сажень в плечах, а не годится, потому – боятся принять такого, он другим расскажет, что солдатство против закона божеского. И отпускают.

Крестьянин. Ну?

Проезжий. Бывает, что отпускают, а бывает, что и помирают там. Да и в солдатах помирают, да еще калечат – кто без ноги, без руки...

Крестьянин. Ну и прокурат же ты малый. Хорошо бы так, да не выйдет так дело.

Проезжий. Отчего не выйдет?

Крестьянин. А оттого...

Проезжий. От чего от того?

Крестьянин. Оттого, что начальству власть дадена.

Проезжий. Да ведь власть-то у начальства только оттого, что вы его слушаете. А не слушайте начальства, и не будет и

власти.

Крестьянин (*качает головой*). И чудно ты говоришь. Как же без начальства? Без начальства никак невозможно.

Проезжий. Известно дело, невозможно. Да только кого ты начальством считать будешь: исправника али бога? Кого хочешь слушать: исправника или бога?

Крестьянин. Да это что и говорить. Больше бога не будешь. Первое дело – по-божьи жить.

Проезжий. А коли по-божьи жить, так бога и слушать надо, а не людей. А будешь по-божьи жить, не станешь с чужой земли людей сгонять, не станешь в десятских, старостах ходить, подати отбирать, не пойдешь в стражники, в урядники, а пуще всего в солдаты не пойдешь, не будешь обещаться людей убивать.

Крестьянин. Так как же попы долгогривые-то? Им видать, что не по закону, а что ж они не учат, как должно?

Проезжий. Об этом не знаю. Они свою линию ведут, а ты свою веди.

Крестьянин. То-то долгогривые черти.

Проезжий. Это напрасно: что других осуждать. Надо каждому самому об себе помнить.

Крестьянин. Это как есть.

(Долгое молчание. Крестьянин покачивает головой и усмехается.)

Крестьянин. Это, значит, ты к тому, что если дружно взяться всем сразу, – напором, значит, – так и земля наша

будет и податей не будет?

Проезжий. Нет, брат, не к тому я говорю. Не к тому я говорю, что по-божьи жить, так и земля наша будет и податей платить не станем, а к тому говорю, что жизнь наша плохая только оттого, что сами плохо живем. Жили бы по-божьи, и плохой жизни бы не было. О том, какая была бы наша жизнь, если бы по-божьи жили, – один бог знает, а только то верно, что плохой жизни не было бы. Сами пьем, ругаемся, деремся, судимся, завиствуем, ненавидим людей, закона божьего не принимаем, людей осуждаем: то толстопузые, то долгогривые, а помани нас денежками, мы готовы на всякую службу идти: и в сторожа, и в десятские, и в солдаты, и своего же брата разорять, душить и убивать готовы. Сами живем подьявольски, а на людей жалуемся.

Крестьянин. Это верно. Да только трудно, уж как трудно! Другой раз и не стерпишь.

Проезжий. А для души терпеть надо.

Крестьянин. Это как есть! Оттого и плохо живем, что про бога забываем.

Проезжий. То-то и дело. Оттого и жизнь плохая. А то глядишь, забастовщики говорят: дай вот этих да вот этих господ да богачей толстопузых перебьем, – всё от них, – и жизнь наша хорошая будет. И били и бьют, а пользы всё нет никакой. Тоже и начальство: дай только, говорит, сроку, перевешаем да переморим по тюрьмам тысячу, другую народа, устроится жизнь хорошая. А глядишь, жизнь только всё хужеет.

Крестьянин. Да это как есть. Разве можно не судом, надо по закону.

Проезжий. Вот то-то и дело. Одно из двух: либо богу служи, либо дьяволу. Хочешь дьяволу – пьянствуй, ругайся, дерись, ненависть, корыстовайся, не божьего закона слушайся, а людского, – и жизнь будет плохая; а хочешь служить богу, – его одного слушай: не то, что грабить или убивать, а никого не осуждай, не ненависть, не влипай в худые дела, и не будет плохой жизни.

Крестьянин (*вздыхает*). Хорошо ты, старичок, рассказываешь, дуже хорошо, только мы мало слушаем. Ох, кабы побольше так наставляли нас, другое бы было. А то придут из города, тоже свое болтают, как дела исправить, болтают хлестко, а слушать нечего. Спасибо, старичок. Речи твои хорошие.

Где же ложиться будешь? На печке, что ль? Баба подстелет.

Л. Толстой.

12-го октября 1909 г.

ПЕСНИ НА ДЕРЕВНЕ

Голоса и гармония были слышны точно рядом, но за туманом никого не было видно. Был будний день, и потому песни поутру сначала удивили меня.

«Да это, верно, рекрутов провожают», – вспомнил я быв-

ший на-днях разговор о том, что пятеро назначено из нашей деревни, и пошел по направлению к невольно притягивающей к себе веселой песне. Когда я подходил к песенникам, песня и гармония затихли. Песенники, то есть провожаемые ребята, вошли в каменную, двухсвязную избу, к отцу одного из призываемых. Против дверей стояла небольшая кучка баб, девушек, детей. Пока я расспрашивал у баб, чьи да чьи ребята идут и зачем они зашли в избу, из двери вышли сопровождаемые матерями и сестрами и сами молодые ребята. Их было пятеро: четверо холостых, один женатый. Деревня наша под городом, и почти все призывные работали в городе и были одеты по-городски, очевидно в самые лучшие одежды: пиджаки, новые картузы, высокие щегольские сапоги. Естественно, больше других бросался в глаза невысокий, хорошо сложенный парень, с милым, веселым, выразительным лицом, с чуть пробивающимися усиками и бородкой и блестящими карими глазами. Как только он вышел, он тотчас же взялся за большую дорогую гармонику, висевшую у него через плечо, и, поклонившись мне, тотчас же, быстро перебирая клавиши, заиграл веселую «барыню» и, в самый раз такта, бойко, отрывисто шагая, тронулся вдоль улицы.

Рядом с ним шел тоже невысокий, коренастый белокурый малый. Он бойко поглядывал по сторонам и лихо подхватывал второй голос, когда запевало выводил первый. Это был женатый. Эти двое шли впереди. Остальные же трое, так же хорошо одетые, шли позади их и ничем особенным не выде-

лялись, разве только тем, что один из них был высок ростом.

Я шел с толпой за парнями. Песни всё были веселые, и во время шествия не было никаких выражений горя. Но как только подошли к следующему двору, в котором должно было также быть угощение, и остановились, так началось вытье женщин. Трудно было разобрать, что они причитали. Слышны были только отдельные слова: смеретушка... отца матери... родиму сторонушку... И после каждого стиха голосащая, втягивая в себя воздух, заливалась сначала протяжными стонами, а потом закатывалась истерическим хохотом. Это были матери, сестры уходивших. Кроме голошения родственниц, слышны были уговоры посторонних. «Да будет, Матрена, я чай, уморилась», – услышал я слова одной женщины, уговаривавшей голосащую.

Парни вошли в избу, я остался на улице, разговаривая с знакомым крестьянином Васильем Ореховым, бывшим моим школьником. Сын его был один из пятерых, тот самый женатый парень, который шел, подпевая подголоском.

– Что же? жалко? – сказал я.

– Что же делать? Жалей не жалей, служить надо.

И он рассказал мне всё свое хозяйственное положение. У него было три сына: один был дома, другой был этот уходивший в солдаты, третий жил, так же как и второй, в людях и хорошо подавал в дом. Этот же уходивший, очевидно, был плохой подавальщик. «Жена городская, к нашему делу не годится. Отрезанный ломоть. Только бы сам себя кормил.

Жалко-то жалко. А что же поделаешь».

Пока мы говорили, парни вышли из дома на улицу, и опять началось голошение, взвизги, хохот, уговоры. Постояв у двора минут пять, тронулись дальше, и опять гармоника и песни. Нельзя было не дивиться на энергию, бодрость игрока, как он верно отбивал темп, как притопывал, останавливаясь, как замолкал и потом в самый раз подхватывал развеселым голосом, поглядывая кругом своими ласковыми карими глазами. У него, очевидно, было настоящее и большое музыкальное дарование. Я смотрел на него, и когда мы встречались с ним глазами, – так по крайней мере мне казалось, – он как будто смущался и, двинув бровью, отворачивался и еще бойчее заливался. Когда подошли к пятому, последнему двору и ребята вошли в дом, я вошел за ними. Парней всех пятерых усадили за убранный скатертью стол. На столе были хлеб и вино. Хозяин, тот самый, с которым я говорил и который провожал женатого сына, наливал и подносил. Ребята почти ничего не пили, отливали не больше четверти стаканчика, а то только пригубливали и отдавали. Хозяйка резала ковригу и подавала закусывать. Хозяин подливал стаканчики и обносил. В то время, как я смотрел на парней, с печки, подле самого того места, где я сидел, слезла женщина в самой показавшейся мне неожиданной и странной одежде. На женщине было светлозеленое, кажется шелковое, платье с модными украшениями, на ногах были ботинки с высокими каблуками, белокурые волосы были причесаны по-мод-

ному, и в ушах были большие золотые серьги-кольца. Лицо женщины было не грустное и не веселое, но как будто обиженное. Она сошла на пол, бойко постукивая своими, с высокими каблучками, новыми ботинками, не глядя на ребят, вышла в сени. Всё в этой женщине: и ее одяние, и ее обиженное лицо, и в особенности серьги – всё было так чуждо всему окружающему, что я никак не мог понять, кто она могла быть и зачем попала на печку в избу Василья. Я спросил у сидевшей рядом со мною женщины, кто она.

– Сноха Васильева. Из горничных она, – отвечали мне.

Хозяин стал наливать в 3-й раз, но парни отказались от угощения, встали, помолились поблагодарили хозяев и вышли на улицу. На улице тотчас же опять заголосили. Первая заголосила вышедшая за парнями очень старая, сторбленная женщина. Она так особенно жалостно голосила, так закатывалась, что бабы не переставая уговаривали ее и подхватывали под локти воющую, закатывающуюся и падающую вперед старуху.

– Кто это? – спросил я.

– Да бабка его. Василью мать, значит.

Как только старуха истерически захохотала и повалилась на руки поддерживающим ее бабам, шествие тронулось дальше, и опять залились гармония и веселые голоса.

На выходе из деревни подъехали телеги, чтобы везти призывных до волости, и все остановились. Воя и плача больше не было. Гармонщик же всё больше и больше расходился.

Он, согнув голову набок и установившись на одной ноге и вывернув другую, постукивал ею, руки же выводили частые, красивые фьеритуры, и как раз, где надо было, подхватывал песню его бойкий, высокий, веселый голос и приятный подголосок Васильева сына. И старые, и молодые, и в особенности окружавшие толпу ребята, и я в том числе, – все мы, не спуская глаз, смотрели на певца, любуясь им.

– И ловок же, бестия! – сказал кто-то из мужиков.

– Горе плачет, горе песенки поет.

В это время к песеннику подошел энергическим, большим шагом тот из провожаемых парней, который был особенно высокого роста. Нагнувшись к гармонисту, он что-то сказал ему.

«Какой молодчина, – подумал я. – Этого уже верно зачислят куда-нибудь в гвардию». Я не знал, чей он, из какого двора.

– Чей этот? – спросил я, указывая на молодцеватого парня, у невысокого старичка, подходившего ко мне.

Старичок, сняв шапку, поклонился мне, но он не расслышал мой вопрос.

– Чего говорите?

В первую минуту я не узнал его, но как только он заговорил, я тотчас же вспомнил работающего, хорошего мужика, который, как часто бывает, как бы на подбор, подпадал под одно несчастье после другого: то лошадей двух увели, то сгорел, то жена померла. Не узнал я его в первую мину-

ту потому, что, давно не видав его, помнил Прокофия красно-рыжим и среднего роста человеком, теперь же он был не рыжий, а седой и совсем маленький.

– Ах, это ты, Прокофий, – сказал я. – Я спрашиваю: чей этот молодец, вот что подходил к Александру?

– Этот? – повторил Прокофий, указывая движением головы на высокого парня. Он качнул головой и прошамкал какое-то слово, я не разобрал что.

– Я говорю: чей малый? – переспросил я и оглянулся на Прокофия.

Лицо Прокофия сморщилось, скулы задрожали.

– Мой это, – проговорил он и, отвернувшись от меня и закрывая лицо рукою, захлопал, как ребенок.

И только теперь, после этих двух слов Прокофия: «мой это», я не одним рассудком, но всем существом своим почувствовал весь ужас того, что происходило передо мною в это памятное мне туманное утро. Всё то разрозненное, непонятное, странное, что я видел, – все вдруг получило для меня простое, ясное и ужасное значение. Мне стало мучительно стыдно за то, что я смотрел на это, как на интересное зрелище. Я остановился и с сознанием совершенного дурного поступка вернулся домой.

И подумать, что всё это совершается теперь над тысячами, десятками тысяч людей по всей России и совершалось и будет долго еще совершаться над этим кротким, мудрым, святым и так жестоко и коварно обманутым русским народом.

Лев Толстой.

8-го ноября 1909 г.

Ясная Поляна.

СТАТЬИ

НАШЕ ЖИЗНЕПОНИМАНИЕ

Разделяя в общем одно и то же понимание жизни, не совпадающее ни с одним из распространенных религиозных и светских учений, ввиду частых обращений к нам с требованиями, которых мы не можем исполнить, мы считаем желательным, во избежание подобных недоразумений, выразить насколько возможно кратко и ясно наше жизнепонимание и то наше отношение к существующему устройству жизни, которое из него вытекает.

В 1838-м году в Америке было обнародовано Вильямом Лойдом Гаррисоном заявление, в котором он и его единомышленники оглашали свое исповедание.

Сущность этого заявления сводится к следующим положениям:

Признание одного только царя и законодателя – бога, а потому отрицание всякого человеческого правительства. Отечеством Гаррисон признает весь мир, соотечественниками – всё человечество. Народам не следует ни защищать себя от внешних врагов, ни нападать на них. Отдельным людям в своих личных отношениях также нехорошо нападать или защищать силой. Церковное учение о божественном уста-

новлении всех государств и существующих властей столь же нелепо, как и кощунственно. Власти эти никогда не действовали в духе учения и по примеру Христа, и потому они не могли быть установлены богом и должны быть упразднены; но не силою, а духовным возрождением людей.

Если войны, как наступательные, так и оборонительные, признаются нехристианскими и незаконными, то и все приготовления к войнам, постоянные армии, военное начальство, присвоения, совершенные военной силой, общая воинская повинность являются нехристианскими и незаконными.

Незаконным и нехристианским является всякий суд, как гражданский, основанный на насильственном принуждении, так и уголовный, основанный на законе ветхого завета: око за око и зуб за зуб. Этот суд отменен Христом, проповедующим прощение врагам вместо мщения во всех случаях без исключения.

Вследствие этого Гаррисон и его последователи отказываются занимать места в правительственных учреждениях и избирать на эти места других лиц, и вообще служить правительству в какой бы то ни было форме.

История человечества наполнена доказательствами того, что зло может быть уничтожено только добром, а из этого следует истина основного учения Христа о непротивлении злу насилием. Поэтому Гаррисон, отрицая революционное учение с его проповедью насилия, отрицает насильственную

борьбу с существующим правительством, противоречащую требованиям евангелия.

Со времени обнародования этого заявления прошло 70 лет, и мы теперь, в 1907 году, вполне разделяя основы, выраженные в нем, можем прибавить к этому заявлению только следующее:

1. Мы полагаем, что сущность нашей жизни не в нашем теле, подверженном страданиям и неизбежной и всегда близкой смерти, а в том духовном начале, которое дало и дает жизнь человеку. И потому назначение и благо жизни нашей мы видим только во всё большем и большем сознании и проявлении этого духовного начала.

2. А так как это духовное начало в противность телесности, различной для всех людей, одно и то же для всего живого, то и сознание этого начала соединяет нас со всем живущим и в жизни нашей проявляется любовью.

3. И потому любовь к ближнему, как к самому себе, и вытекающее из этого правило – поступать с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой, мы признаем духовным законом нашей жизни.

4. Зная же по опыту, что всякое стеснение свободы посредством насилия причиняет страдания и, кроме того, вызывает в людях недобрые, противные любви чувства, мы всякого рода насилия, совершаемые над людьми как отдельными лицами, так и собраниями людей, называющих себя пра-

вительствами, признаем противными основному закону нашей жизни.

5. И потому, признавая единственной силой, сдерживающей людей и приводящей их к мирной жизни, – закон любви, основы которого лежат в душе каждого человека, мы:

Во 1-х, не признаем ни за какими людьми, ни собранием людей, права насилием или под угрозой насилия отбирать имущества одних людей и передавать его другим (подати).

Во 2-х, не признаем ни за собой, ни за другими людьми права насилием защищать исключительное право пользования какими бы то ни было предметами, а тем менее исключительное право пользования некоторыми частями земли, составляющей общее достояние всех людей.

В 3-х, не признаем ни за собой, ни за какими людьми права насильно привлекать к суду других людей и лишать их имущества, ссылать, заточать в тюрьмы, казнить.

В 4-х, не признаем ни за какими людьми, как бы они ни называли себя, монархами, конституционными или республиканскими правительствами, права собирать, вооружать и приучать людей к убийству, нападать на других людей и, объявив людям другой народности войну, разорять и убивать их.

В 5-х, не признаем ни за собой, ни за какими людьми права под видом церкви или каких-либо воспитательных, образовательных и мнимо просветительных учреждений, поддерживаемых средствами, собранными насилием, руководить совестью и просвещением других людей.

В 6-х, не признавая ни за какими людьми, называющими себя правительствами, права управлять другими людьми, мы точно так же не признаем и за неправительственными людьми права употреблять насилия для ниспровержения существующего и установления какого-либо иного, нового правительства.

Не признаем этих прав ни за кем, потому что всякое насилие по существу своему противно признаваемому нами основному закону человеческой жизни – любви. При победе одного насилия над другим остается победившее насилие и точно так же, как и прежде, вызывает против себя новое насилие, и так без конца.

Не признавая таких прав ни за какими людьми, мы считаем и все деятельности, основанные на этих мнимых правах, вредными и неразумными, и потому не только не можем участвовать в таких деятельностих или пользоваться ими, но всегда будем всеми силами бороться против них, стараясь уничтожить их в самом их основании.

В 7-х, уничтожить же эти ложные и вредные деятельности в самом их основании мы считаем возможным только одним средством: проявлением нами в своей жизни того высшего закона любви, который мы признаем единственным и несомненно верным руководством человеческой жизни.

В 8-х, и потому все наши усилия, вся наша деятельность будет иметь только одну цель – проявление в нашей жизни, насколько это будет в наших силах, того закона любви, ко-

торый вернее всяких других средств уничтожает зло теперешнего устройства жизни и всё более и более приближает установление истинного братства людей, которого так жадно ждет в наше время исстрадавшееся человечество.

Мы верим, что царство это близко, «при дверях».

Мысли, выраженные в этом заявлении, так же как и в провозглашении *Гаррисона*, не новы. Всё это было много и много раз сказано и мудрецами, и браминами, и буддистами, и китайцами, и, в особенности, одним из их мудрецов, Мити, проповедовавшим любовь вместо насилия, и Сократом, и стоиками, и более всего ясно и определенно Христом (не в павловском, квази-христианском, церковном учении, извращающем истинное христианство, а в истинно христианском учении – в нагорной проповеди). Высказывались подобные истины и проповедовались и эбионитами, и эссениями, и катарами, и альбигойцами, и моравскими братьями, и квакерами, и назаренами, и персидскими бабистами, и духоборами, и сотнями и тысячами людей, исповедовавших и исповедующих те же истины.

Но до сих пор все эти ясные, простые и неопровержимые истины, истины, наверно дающие людям вместо страдания истинное благо, – не изменяли устройства человеческих обществ, и жизнь большинства людей продолжала идти по-прежнему.

Учение всех этих мудрых людей вело к той истине, что для

того, чтобы не было того зла, от которого люди так жестоко страдают, надо перестать делать его. Что, казалось бы, могло быть проще, понятнее и убедительнее этого? Казалось бы, что для того, чтобы понять и исполнять это, нужно так же мало усилия, как для того, чтобы дышать. Усилие, казалось бы, нужно только для того, чтобы не делать этого. А между тем эту простую истину говорили сотни, тысячи лет люди, признаваемые величайшими мудрецами мира, и человечество все-таки не понимало и не принимало этой истины и продолжает жить так, как будто она совершенно неизвестна ему.

Отчего это?

А оттого же самого, отчего умный, хороший, добрый юноша слышит слова мудрости людской, призывающей его к труду, к воздержанию, к чистоте, к доброте, слышит слова эти, но ни на мгновение не останавливает на них свое внимание, не применяет их к своей жизни. Молодой человек прежде всего живет своими животными и полуживотными страстями, охватывающими его со всей силой новизны и еще поддерживаемыми и разжигаемыми внушениями толпы людей, окружающих его и призывающих его к подражанию. Мало того, если он задумывается хоть на минуту о правильности пути, по которому он идет, ему тотчас же предлагают не те старые, вечные истины, которые осуждают его жизнь, а такие теории, по которым ему можно, продолжая жить так, как он живет, праздно, невоздержанно, неце-

ломудренно, враждебно к людям, честолюбиво, – быть уверенным, что он живет именно так, как свойственно жить разумным людям. И, усвоив какую-либо из этих теорий: церковную, политическую, экономическую, научную, и держась за нее, как за якорь спасения, молодой человек живет, мужает и всё больше и больше укрепляется в своем образе жизни. Образ жизни поддерживает теорию, теория поддерживает образ жизни. И чем дальше он живет так, тем всё более и более усложняются условия его жизни, и всё труднее и труднее становится ему, если бы он и захотел, вернуться к тем простым и нужным жизненным истинам, которые он слышал в своей юности, не внимая им. И живет он так до тех пор, пока страдания, неизбежно связанные с такой жизнью, не приведут его, наконец, к той самой простой и старой истине, которую он знал сначала, что *для того, чтобы жизнь была хорошая, есть только одно средство: надо жить хорошо*. И человек, если он еще не безвозвратно погубил себя, изменяет свою жизнь и обыкновенно делает неполно и в конце жизни то, что было бы легко, так полно и хорошо сделать сначала.

Таков путь приближения к истине отдельных людей. Путь этот кажется странен. Казалось, как просто бы было людям не делать всех тех бесцельных для своей жизни ошибок и сразу поверить истине. Но это только кажется так. Ошибки эти необходимы, так как всякая одним головным путем приобретенная истина только для редких людей может быть ру-

ководством поступков. Для большинства истина только тогда истина, когда она подтверждена своим личным мучительным опытом. Только тогда истина – истина для большинства, когда ясно, что отступление от нее есть страдание, когда истина и благо совпали.

А так как таково свойство большинства людей, то таково свойство и всего человечества.

Всё человечество естественно живет сначала (с того начала, которое видно нам) своими животными, полуживотными влечениями. И точно так же, как и у отдельного человека, сила этих влечений увеличивается их новизной. И точно так [же], как и для отдельного человека, редкие голоса мудрецов, указывающих на истинный смысл жизни, не воспринимаются большинством, точно так же увлеченным новизной и внушением. И так же, как и для отдельного человека, появляются подставные, ложные теории (большею частью извращенные учения мудрых людей, как все церковные и научные учения). И все эти ложные учения, потакая страстям людей, всё дальше и дальше отвлекают их от истины. И точно так же, как для отдельного человека трудность изменения жизни увеличивается теми условиями, которыми связывает себя человек в ложно прожитом прошедшем, так и для человечества, отступившего от истины, трудность увеличивается тем, что на ложном пути, по которому веками шло человечество, совершено им.

В этом и лежит причина того странного явления, что лю-

ди, зная простую, ясную истину, которая спасает их, живут так, как будто эта истина никогда никому не была известна. Причина этого и в тех ложных теориях, извращающих и религию и науку, и в тех делах, которые наделало человечество во время своей ложной жизни.

Человечество, живя ложной жизнью на основании ложных теорий, наделало так много ложного и ненужного и в духовной и в материальной областях, что оно теперь никак не может решиться последовать простым и ясным и понятным ему истинам, следование которым сделало бы ненужным почти всё то, что с таким трудом, усердием и рвением наделано им. Все эти воздушные дороги, 36-ти этажные дома, броненосцы, парламенты и всё то, что называется наукой и искусством, всякие никому ни на что ненужные открытия и исследования со всеми утонченностями, – всё это кажется так важно, что отказаться от всего этого, или рисковать лишиться хотя части этого, кажется людям нашего времени невозможным и безумным риском.

Люди на пути своем подошли к реке. Мудрейшие из них знают, что путь идет через реку, что дом на той стороне и что надо переходить реку. В том месте, в котором люди подошли к реке, река не широка и не глубока, и надо небольшое усилие, чтобы перейти ее. Но люди не хотят сделать этого усилия, и кроме того среди них находятся люди, которые уверяют их, что можно и не делать этого усилия и не входить в реку. И люди идут вниз по течению, отыскивая перехода, и что

дальше идут, то шире и глубже река. Люди смутно чувствуют, что, идя вниз по течению, они не найдут перехода, но им так жалко всего того, что они прошли, что они продолжают уверять себя, что река скоро перестанет течь или случится чудо, как для израильтян, и они перейдут по суху. Но река становится всё шире и шире и заливаает берег и людей, идущих по нем.

С самых древних времен мудрые люди постигли ту истину, что устройство человеческой жизни может основываться только на любви и на вытекающем из любви добровольном служении людей друг другу, и что поэтому существующий способ устройства человеческих обществ на насилии – способ ложный, и что попытки уничтожить насилие насилием есть очевиднейшее заблуждение, и что уничтожить насилие можно только тем, чтобы не делать насилия. Казалось бы, истину эту нельзя не понимать, но люди не верят тому, что ясно и что говорят им их мудрецы и здравый смысл, а верят тем людям, которым выгодно насилие. Верят потому, что для воздержания от насилия нужно хоть и небольшое, но нужно усилие, для подчинения же насилию и участия в нем не нужно никакого.

Так шло дело с самых древних времен, так шло дело и в средние века, так же шло дело и в новые времена, так же идет и теперь.

Люди продолжают мучить себя и метаться по этой стороне реки, всё еще надеясь, что река перестанет течь и воды

расступятся. Но всему есть предел, и люди в наше время подошли к этому пределу. Бедственность, безумие, глупость и злобность той жизни, которая ведется теперь людьми, пытающимися уничтожить зло злом, становится всё очевиднее и очевиднее, и людей, понимающих невозможность продолжения такой жизни, становится всё больше и больше.

И мы думаем, что человечество теперь, именно теперь, в 1907 году от рождества Христова, своей дошедшей до последней степени путаницей и утонченностью ненужных знаний, своим разделением и озлоблением, своими страданиями – доведено, наконец, до необходимости понять и принять ту старую, давно провозглашенную людям и известную всем простую и ясную истину, что человек – существо, обладающее духовным сознанием, – может и должен основывать свою жизнь не на грубой силе, как животное, а только на вытекающем из духовного сознания свойстве любви, которое одно может дать всем людям то благо, стремление к которому составляет основу их жизни.

БЕСЕДЫ С ДЕТЬМИ ПО НРАВСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ

Преподавать детям нравственность я пытался вот как: собрав выраженные разными мыслителями нравственные истины и изложив их доступным детям в возрасте около 10 лет языком, я разделил их на отделы, и каждый день читал де-

тям по одной мысли из одного по очереди отдела, и, прочтя, просил их повторить своими словами прочитанное, разъясняя непонятное и отвечая на вопросы, вызванные чтением.

Отделов таких у меня составилось около 20. Я говорю около 20 потому, что я не вполне остановился на числе отделов и то прибавляю, то убавляю их.

Главные отделы следующие:

- 1) Бог.
- 2) Жизнь в воле бога.
- 3) Человек сын бога.
- 4) Разум.
- 5) Любовь.
- 6) Совершенствование.
- 7) Усилие.
- 8) Мысли.
- 9) Слова.
- 10) Поступки – дела.
- 11) Соблазны внутренние
- 12) Соблазны внешние.
- 13) Смирение.
- 14) Самоотречение.
- 15) Непротивление.
- 16) Жизнь в настоящем.
- 17) Смерть.
- 18) Жизнь – благо.
- 19) Вера.

Таких нравственных истин набралось у меня более 700, так что, если расположить их по дням, то на каждый день придется по 2.

Для образца выписываю по одной мысли из каждого отдела.

ИЗ ОТДЕЛА 1-го

Услыхали раз рыбы в реке, что люди говорят: рыбам можно жить только в воде. И стали рыбы друг у друга спрашивать: что такое вода? И ни одна рыба в реке не могла сказать, что такое вода. Тогда умная, старая сказала, что есть в море премудрая рыба. Она всё знает. Спросим ее: что такое вода? И вот поплыли рыбы в море к старой премудрой рыбе и спросили ее: как бы нам узнать, что такое вода? Премудрая рыба сказала: вы не знаете, что такое вода, потому что живете в воде. Узнаешь воду только тогда, когда выскочишь из нее и почувешь, что без нее жить нельзя. Только тогда поймешь, что мы водою живем и что без воды нет жизни.

То же и с людьми, если они думают, что не знают бога. Мы живем в боге и богом, и только что уйдем от бога, сейчас нам так же плохо, как рыбе без воды.

ИЗ ОТДЕЛА 2-го

Когда на большой дороге грабят разбойники, то путеше-

ственник не выезжает один: он выжидает, не поедет ли кто-нибудь со стражей, присоединяется к нему, и тогда уже не боится разбойников.

Так же поступает в своей жизни и разумный человек. Он говорит себе: «В жизни много всяких бед. Где найти защиту, как уберечься от всего этого? Какого дорожного товарища подождать, чтобы поехать в безопасности? За кем ехать следом: за тем или за другим? За богатым ли, за важным ли вельможей или за самим царем? Но уберегут ли они меня? Ведь и их грабят и убивают, и они так же бедствуют, как и другие люди. Да еще и то может быть, что тот самый, с кем я поеду, нападет на меня и ограбит. Какого же мне найти себе верного дорожного товарища, такого товарища, чтобы он не напал на меня, а был мне всегда защитой? За кем мне идти следом? Один есть такой верный товарищ. Товарищ этот – бог. За ним надо идти, чтобы не попасть в беду. А что значит идти за богом? Это значит желать того, что он хочет, и не желать того, чего он не хочет. А как достигнуть этого? Понять его законы и следовать им».

ИЗ ОТДЕЛА 3-го

Христос сказал, что каждый человек сын бога. Это значит то, что в каждом человеке живет дух божий, по телу всякий человек сын своих родителей, по духу всякий человек сын бога. Чем больше человек понимает в себе дух божий, чем

больше признает свою сыновность богу, тем больше он приближается к богу и к истинному благу.

ИЗ ОТДЕЛА 4-го

Чем добрее бывает жизнь человека, тем больше бывает в нем разума. А чем разумнее человек, тем добрее бывает жизнь человека.

Для доброй жизни нужен свет разума. А для того, чтобы разум был светел, нужна добрая жизнь. Одно помогает другому. А потому, если разум не помогает доброй жизни, это не настоящий разум. И если жизнь не помогает разуму, то это не добрая жизнь.

ИЗ ОТДЕЛА 5-го

Постарайся полюбить того, кого ты не любил, кто обидел тебя. И если это удастся тебе сделать, то тебе сейчас же станет очень хорошо и радостно на душе. Как свет ярче светит после темноты, так и на душе бывает особенно хорошо, когда вместо злобы и досады почувствуешь любовь к тому, кого не любил и кто обидел тебя.

ИЗ ОТДЕЛА 6-го

Мы все знаем, что живем не так, как надо и как могли бы

жить. И потому надо всегда помнить, что жизнь наша может и должна быть лучше.

Помнить это надо не затем, чтобы осуждать жизнь других людей и свою, не исправляя ее, а затем, чтобы стараться с каждым днем и часом становиться хоть немного лучше, исправлять себя.

В этом самое главное и самое радостное дело в жизни.

ИЗ ОТДЕЛА 7-го

Бывает неприятно, когда тебя хвалят за то, чего ты не сделал, и также неприятно, когда бранят за то, чего ты не заслужил. Но можно и в напрасной похвале и в напрасной брани найти пользу. Если ты не сделал доброго дела и тебя хвалят за него, постарайся сделать то, за что тебя хвалят. А если тебя бранят за то, чего ты не сделал, то постарайся вперед не делать того, за что тебя бранят.

ИЗ ОТДЕЛА 8-го

Как удилами во рту мы управляем конями и рулями управляем кораблями, так и языком мы управляем всем телом. Языком можно и осквернить, можно и освятить себя. И потому надо не говорить, что попало, а внимательно следить за своими словами.

Слово – великое дело. Как небольшой огонь может сжечь

целые деревни, так и от одного слова может сделаться большое несчастье.

ИЗ ОТДЕЛА 9-го

Для того, чтобы не делать злых дел, надо удерживаться не только от самых дел, но и от злых разговоров. Для того же, чтобы удерживаться от злых дел и разговоров, надо научиться удерживаться от злых мыслей. Когда один думаешь сам с собой и придут недобрые мысли – осуждаешь кого-нибудь, сердишься, – вспомни, что нехорошо так думать, остановись и старайся думать о другом. Только тогда будешь в силах воздерживаться от злых дел, когда научишься воздерживаться от злых мыслей. Корень злых дел в дурных мыслях.

ИЗ ОТДЕЛА 10-го

Китайского мудреца спросили: есть ли такое слово, которое дало бы счастье на всю жизнь?

Мудрец сказал: «Есть слово «шу», смысл этого слова такой: чего мы не хотим, чтобы нам делали, не надо делать другим».

Когда же Христа спросили о главной заповеди закона, он сказал: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними. В этом закон и пророки».

Китайский мудрец сказал, чтобы не делать другим того,

чего себе не хочешь: не отступай от любви. А Христос сказал: не только не делай другому того, чего себе не хочешь, но делай другому то, чего себе хочешь, – поступай по любви.

ИЗ ОТДЕЛА 11-го

Пословица говорит: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». «От трудов будешь горбат, а не будешь богат».

И пословица не мимо молвится. Большое богатство наживается не трудами, а грехами. От этого большое богатство тяжесть, а не радость для хорошего человека. Не пропускает большое богатство людей в царство божие.

ИЗ ОТДЕЛА 12-го

Надо не поддаваться тому, что делают другие, а жить своим умом. Не беда, если мы смеемся, сами не зная чему, когда другой человек смеется, и если, глядя на того, кто зеваает, и сами зеваем, но плохо то, когда мы поддаемся злomu чувству того человека, который злится на нас, обижает нас. Он злится, и мы злимся. А тут-то и дороже всего не поддаться злomu чувству, а, напротив, добротой ответить на злобу. Если с злыми людьми будешь такой же, как они, то сделаешься скоро злым и с добрыми людьми.

ИЗ ОТДЕЛА 13-го

В евангелии сказано (Лука XVI, 15), что велико для людей, то мерзость перед богом. – Это надо всегда помнить, чтобы не ошибиться и не почитать великим и важным то, что мало и ничтожно. Это надо помнить, потому что люди всегда возвеличивают, украшают то, про что они знают, что оно без прикрасы будет не замечено и признано дурным. Так устраивают всякие храмы, шествия с музыкой и флагами, богатыми одеждами. Надо не поддаваться этому блеску и знать и помнить, что всё истинное и доброе не нуждается в украшениях и бывает просто и скромно.

ИЗ ОТДЕЛА 14-го

Люди живут общими трудами всех. И чугуны, и косы, и сошники, и сукно, и бумага, и спички, и свечи, и керосин, и тысячи других вещей – всё это труды людские. И потому, чтобы не отнимать у людей людских трудов, надо, если мы пользуемся трудами людей, оплачивать за это своим.

Есть пословица, что, если один человек живет не работая, то где-нибудь какой-нибудь человек от этого умирает с голоду.

Но как учесть, больше ли я беру, чем даю? Учесть нельзя, и потому, чтобы не быть вором и убийцей, лучше больше отдать, чем взять, и для этого как можно больше работать и

как можно меньше брать от других людей.

ИЗ ОТДЕЛА 15-го

«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злomu. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. V, 38—39). Учение это запрещает делать то, от чего умножается, а не прекращается зло в мире. Когда один человек нападает на другого, обижает его, он этим зажигает в другом чувство ненависти, корень всякого зла. Что же надо сделать, чтобы потушить это чувство зла? Неужели сделать то самое, что вызвало это чувство зла, то есть повторить дурное дело? Поступить так, значит вместо того, чтобы уничтожить зло, усилить его.

И потому непротивление злу злом есть единственное средство победить зло. Только оно одно убивает злое чувство и в том, кто сделал зло, и в том, кто понес его.

ИЗ ОТДЕЛА 16-го

Никогда не откладывай доброго дела, если можешь сделать его нынче. Смерть не разбирает того, сделал ли, или не сделал человек то, что должен. Смерть никого и ничего не дожидается. У нее нет ни врагов, ни друзей. Дела человека, то, что он успел сделать, становятся его судьбой, хорошей

или дурной. И потому для человека важнее всего в мире то, что он сейчас делает.

ИЗ ОТДЕЛА 17-го

Человек видит, как всё на свете – и растения и животные – зарождается, растёт, крепнет, плодится, а потом слабеет, портится, стареется и умирает.

То же самое видит человек и над своим телом и, глядя на других людей, когда они умирают, знает и про свое тело, что оно состарится, испортится и умрет, как и всё, что родится и живет на свете.

Но кроме того, что он видит на других существах и на людях, каждый человек знает в себе еще то, что не портится и не стареется, а, напротив, что больше живет, то лучшеет и крепнет, – знает каждый человек в себе свою душу.

Что будет с душой, когда мы помрем, никто не может знать. Одно мы верно знаем – это то, что портится, преет и гниет только то, что телесно, а душа нетелесна, и потому с ней не может быть того, что с телом. И потому страшна смерть только тому, кто живет только телом.

Для того же, кто живет душою, нет смерти.

ИЗ ОТДЕЛА 18-го

Знай и помни, что если человек несчастен, то он сам в

этом виноват, потому что бог создал людей не для того, чтобы они были несчастны, а для их счастья. Несчастливы бывают люди только тогда, когда они желают того, что не всегда могут иметь. Счастливы же тогда, когда желают того, что всегда могут иметь. Чего же люди не всегда могут иметь? И что могут всегда иметь, когда желают этого?

Не всегда могут люди иметь то, что не в их власти, то, что другие могут отнять у них. Всего этого люди не могут иметь всегда. Всегда же могут иметь люди только то, чего никто от них отнять не может.

Первое – это все блага мирские, богатство, почести, здоровье. Второе – это своя душа, свое желание во всем исполнять волю бога. И бог дал в нашу власть как раз то, что нам нужнее всего для нашего блага, потому что ничто, никакие мирские блага не дают истинного блага, а всегда только обманывают. Истинное же благо дает только исполнение воли бога. Бог не враг нам, он поступил с нами, как добрый отец: он не дал нам только того, что не может дать нам блага.

ИЗ ОТДЕЛА 19-го

Во всех верах учение о том, как надо жить людям, одно и то же. Обряды разные, а вера одна.

Разумный человек видит то, что едино во всех верах, глупый же видит только то, что в них разное.

Лев Толстой.

НЕ УБИЙ НИКОГО

I

В начале июля 1907 года человек, участвовавший в Петербурге в издательстве «Обновление», был посажен в тюрьму Петербургским судебным следователем по обвинению его в распространении написанной мною семь лет тому назад брошюры под заглавием «Не убий».

«Незначительное при теперешних беспрестанных заточениях, ссылках, казнях событие это знаменательно по тому поводу, по которому оно совершено.

Теперь, когда вся Россия стонет от ужаса перед непрестающими и всё увеличивающимися в числе и по дерзости убийствами, брошюра, подтверждающая древний, признанный за тысячи лет всеми религиями закон «Не убий», брошюра эта запрещается, и распространитель ее, как преступник, сажается в тюрьму.

Казалось бы, правительство, так давно и так безуспешно борющееся с всё более и более охватывающей русских людей манией убийства, должно бы поощрять людей, распространяющих мысли, противодействующие убийству: но удивительное дело, правительство, напротив того, карает таких

людей.

Но, может быть, брошюра «Не убий» только носит такое заглавие, а говорит что-нибудь другое, противное религии и нравственности?

Я давно писал эту брошюру и мог забыть ее содержание. Я внимательно перечел ее. Нет, в ней говорится то самое, что говорит заглавие, и только то, что оно говорит. В брошюре говорится, что кроме того, что всякое убийство человека человеком преступно и противно тому религиозному учению, которое мы исповедуем, убийства революционерами королей, императоров, вообще правителей, бессмысленны, так как строй государственной жизни не может измениться вследствие убийства правителей; мотивы же таких убийств неосновательны, так как, убивая правителей за совершаемые ими дела насилия, люди забывают, что виноваты в этом они сами своим повиновением правительствам и содействием тому, за что они упрекают правителей.

Так что в общем смысл брошюры тот, что «Не убий» значит только то, что христианам не *должно убивать никого*, ни непосредственно, ни посредством, подсобляя убийствам.

Но, может быть, участвовавший в издательстве «Обновление» судится не за брошюру «Не убий», написанную по случаю убийства итальянского короля, но и за брошюру того же названия, к которой присоединены еще три статьи: «Письмо к фельдфебелю», «Солдатская и офицерская памятка». Я перечел и эти статейки и в них нашел то же, что и в первой:

подтверждение заповеди «Не убий», и в особенности разъяснение того, что приготовление к убийствам, содействие им так же преступно и так же противно закону Христа, как и самое убийство.

Так что, в общем, смысл и этих статей тот, что люди христиане не должны ни содействовать убийству, ни готовиться к нему, ни убивать кого бы то ни было.

II

Удивительный закон возмездия, неизбежно карающий людей, извращающих закон бога.

Тысяча девятьсот лет тому назад Христос, провозглашая основные заповеди своего учения, во главу всех поставил уже не старинную заповедь «не убий» (заповедь эту он считал до такой степени установленной, что он не говорил о ней), а заповедь о том, что всякий человек должен избегать всего того, что может привести к убийству: не держать зла на ближнего, прощать всех, со всеми мириться, не иметь врагов (Матф. V, 21—26).

Но эта заповедь не только не была принята людьми, но даже древняя заповедь, запрещающая убийство, была отвергнута, так же как она была отвергнута и законами Моисея, и люди, называвшие себя христианами, продолжали с полной уверенностью в своей правоте убивать и на войне, и дома всех тех людей, смерть которых представлялась им жела-

тельной.

Правительства христианских народов с помощью церковников долго обучали управляемые ими народы тому, что закон «не убий» не значит то, что люди не должны без всяких исключений убивать себе подобных, но что есть случаи, когда не только можно, но должно убивать людей; и народы верили правительствам и содействовали убийствам тех, кого правительство предназначало к убийству. Когда же пришло время и вера в непогрешимость правительств нарушилась, народы стали по отношению к людям, составляющим правительства, поступать точно так же, как поступали правительства по отношению людей, смерть которых представлялась им желательной, только с той разницей, что правительства считали, что убивать можно на войне и после известных совещаний, которые называются судами; народы же решили, что можно убивать во время революций и после совещаний известных людей, называющих себя революционными комитетами, и т. п.

И сделалось то, что происходит теперь в России, то есть то, что после 1900 лет проповеди христианства люди уже два года не переставая убивают друг друга: революционеры своих, правительства своих врагов, убивают мужчин, женщин, детей, – всех тех, смерть которых считают для себя полезной, и что удивительней всего – это то, что, поступая так, они вполне уверены, что не нарушают ни нравственного, ни религиозного закона.

Дошло до того, что если бы теперь дать в России всем людям возможность убивать всех тех, кого они считают для себя вредными, то почти все русские люди поубивали бы друг друга: революционеры всех правителей и капиталистов, правители и капиталисты всех революционеров, крестьяне – всех землевладельцев, землевладельцы – всех крестьян и т. д.

И это не шутка, а действительно так. И это ужасное состояние народа продолжается уже несколько лет и с каждым годом, месяцем, днем становится всё хуже и хуже.

III

Становится же положение всё хуже и хуже в особенности оттого, что правительство, чувствуя себя обязанным противодействовать этому положению дел, старается прекратить его теми средствами, которые оно считает единственно действительными. Средства же эти, и глупые и жестокие, состоят в совершении тех самых преступлений, против которых борется правительство. И, как это должно быть, особенно теперь, при теперешних усовершенствованных орудиях убийства: браунингах, бомбах, пулеметах, при которых маленький ребенок может убить сотню сильных людей, – глупые и жестокие средства эти не только не достигают цели, но всё больше и больше ухудшают положение.

Трагизм положения русского правительства теперь в том,

что, несмотря на то, что оно не может не видеть, что от приложения тех глупых и жестоких средств, которыми оно пользуется, положение только ухудшается, оно не может остановиться. Мало того, что не может остановиться, оно не может употребить единственно возможное и действительное средство борьбы против убийства: разъяснение преступности, греха убийства. Не только не может употребить это средство, но должно употреблять свои глупые и жестокие приемы и против тех людей, которые хотят приложить это единственное возможное средство спасения от того бедственного состояния, в котором находятся теперь русские люди.

Правительство преследует мою брошюру «Не убий» и сажает в тюрьму ее распространителя. Теперь оно неизбежно должно преследовать то, что я сейчас пишу, должно казнить и меня, и, чтобы быть последовательным, должно бы уже давно запретить не только евангелие, но и десять заповедей ветхого завета и казнить всех тех, кто распространяет их.

IV

Да, удивительный закон возмездия, казнящий наверное тех, кто извращает закон бога.

Вся Россия стонет от ужаса вырвавшихся наружу, ничем не сдерживаемых зверских инстинктов, побуждающих людей совершать самые ужасные, бессмысленные убийства.

И вот самые либеральные, отстаивающие всякие свободы

люди, на вопрос о том, следует ли соблюдать свободу жизни, то есть не убивать людей, люди эти не могут поступать иначе, как молчать, молчанием своим признавать необходимость убийств, или явно признавать эту необходимость, как явно признают эту необходимость революционеры и правительство. И правительство, и революционеры, и не принадлежащие ни к каким партиям убийцы под самыми разнообразными предложениями продолжают убивать друг друга.

Положение России ужасно. Но ужаснее всего не материальное положение, не застой промышленности, не земельное неустройство, не пролетариат, не финансовое расстройство, не грабежи, не бунты, не вообще революция. Ужасно то душевное, умственное расстройство, которое лежит в основе всех этих бедствий. Ужасно то, что большинство русских людей живет без какого бы то ни было нравственного или религиозного, обязательного для всех и общего всем закона: одни, признавая религией отжившие, не имеющие уже никакого разумного смысла, ни, главное, обязательного для поведения значения, старинные верования, руководятся в жизни только своими соображениями и вкусами; другие же, признавая ненужность каких-либо верований (религии), точно так же руководятся только своими самыми разнообразными соображениями и желаниями. Так что большинство людей, действующих теперь в России, под предлогом самых разногласных соображений о том, в чем заключается благо общества, в сущности руководятся только своими эгоистически-

ми, почти животными побуждениями. Самое ужасное при этом то, что люди эти, отказавшись от разумной человеческой жизни, спустившись почти на ступень животных, вполне довольны собою и уверены, что все те глупости и гадости, которые они говорят и делают в подражание западным народам (как правительственные люди, так и революционеры), несомненно доказывают их превосходство над мудрыми и святыми людьми прошедшего, и что не только не надо стараться установить какое-либо общее всем религиозное жизнепонимание – веру, могущую соединить людей, но что отсутствие всякой веры и доказывает их умственное и нравственное превосходство.

V

Люди могут жить согласной человеческой жизнью никак не вследствие каких-либо политических верований, а только вследствие своего соединения одним и тем же пониманием основного смысла жизни.

Политические верования потому не могут соединить людей, что политических верований может быть бесчисленное количество, одни верят в такой, другие в другой парламентаризм, или социализм, или анархизм. Высшее же понимание смысла жизни в известный исторический период и для известного народа может быть только одно. Так это и было всегда. Так жили соединенные одним и тем же высшим зако-

ном жизни греки, римляне, арабы, индусы, так жили и живут китайцы, так жили и европейские народы, так называемые христиане, пока они действительно верили в ту, приспособленную Павлом к языческим нравам, веру, которая называлась христианскою, католическою религией.

Нам ясно теперь всё несоответствие этого религиозного, запутанного, неясного и лицемерного учения церквей, запрещавшего чтение евангелия, ставившего спасение верою и исполнение таинств на место евангельского отречения от земных благ и дел любви, признававшего обязательность покорности светской власти вместо евангельского признания власти одного бога, признававшего чудеса, поклонение иконам, мощам, непогрешимость папы и т. п. Нам ясно несоответствие этого учения с простым, ясным учением евангелия. Но люди рождались в этой ложной вере, вера эта внушалась им с детства, и как ни груба (на наш теперешний взгляд) была эта вера, разрешавшая убийства, казни, войны, поединки, вместе с признанием бога любви, – люди искренно верили в нее, и вера эта соединяла их. Соединение это продолжалось веками, но пришло время, когда явились люди, начавшие иначе, по-своему толковать учение. Явилось протестантство в своих самых разнообразных формах, и начались вражды и споры между различными исповеданиями извращенного христианства. Споры всё более и более ослабляли веру, и кончилось тем, что павловское приспособление христианства к язычеству, еще более извращенное церквями,

перестало быть религией в настоящем значении этого слова, то есть руководящим началом жизни людей. Нарушилось то единство веры, которое до этого времени соединяло их. Люди перестали верить в одну и ту же религию. Сначала перестали верить в одну и ту же религию, а потом, вследствие разных толкований и споров, перестали верить, действительно верить в самую христианскую религию.

VI

Много было причин, уничтоживших веру людей в христианскую религию во всех ее формах: в католичество, в православие, в протестантство. Такими причинами были и религиозные споры и всё большее и большее просвещение; главной же причиной было то, что как церковное католическое, так и протестантское христианство допускало казни и войны.

Людям, введившим христианство в языческие народы, вследствие своей принадлежности их к правящим классам общества, естественно было, принимая и вводя в христианство народ, или скрыть, или не видеть в нем всего того, что было несовместимо со всем строем языческой жизни, выгодами которой они пользовались. Людям этим для того, чтобы принять христианство и ввести его в народ, неизбежно предстояло одно из двух: или изменить строй языческой жизни согласно с христианским учением, или изменить христианское учение согласно с существующим строем жизни.

Они избрали второе, то есть, пользуясь толкованиями Павла, так извратили учение, чтобы всё то, что в истинном христианстве противоречило существующему строю, держащемуся на насилии и убийстве, было скрыто и перетолковано. Для того же, чтобы перетолковать христианство так, чтобы оно не противоречило языческому устройству жизни и разрешению убийства, на котором держится весь строй языческой жизни, надо было изменить и скрыть самую сущность христианства. В еврействе и в магометанстве можно было обойти заповедь «не убий», не разрушая закон, так как в обеих религиях признавалось деление людей на верных и неверных и потому можно было признавать заповедь «не убий» только по отношению верных. В христианстве же, где по самой сущности учения все люди признавались братьями, где всё учение основывалось на любви, выражающейся в прощении обид, в любви к врагам, в христианстве этого нельзя было сделать: допущение убийства каких бы то ни было людей разрушало главную основу христианского учения. И потому совместить христианство с убийством нельзя было иначе, как такими толкованиями, которые разрушали самую сущность его. Так это и было сделано, А когда это было сделано, христианство, извратившись, перестало быть религией. И сделалось то, что христианская церковная вера стала или делом обычая, или приличия, или выгоды, или поэтическим настроением, а настоящей религии, то есть такой веры, которая действительно соединяла бы людей и руководила их поступками между

людьми христианского мира, не осталось никакой.

VII

Казалось бы, что, потеряв то единственное начало: религию, которое может соединять людей, – люди церковного христианского мира должны бы были разъединиться, распасться, перестать жить общей жизнью, но этого не случилось. Не случилось этого потому, что освобождение от веры в извращенное христианство совершалось не вдруг, а совершалось понемногу, и рядом с этим освобождением от соединения верою люди всё больше и больше подпадали другому соединению, основанному уже не на религии, а на власти, на той власти, которая была основана религией и поддерживалась ею. Люди, переставая верить в бога и его закон, всё больше и больше, как это и внушалось им, верили во власть правителей и их закон. И когда вера в ложное христианство исчезла, вера в правителей, в их власть и их закон заменила исчезнувшую ложную религию и продолжала держать людей в искусственном соединении.

Но соединение, основанное не на религии, а на инерции власти, не могло продолжаться. Пришло время, когда с распространением просвещения люди поняли, что для них нет никакой внутренней причины, по которой они должны бы были подчиняться именно этой, а не какой-либо другой власти. И, поняв это, люди перестали верить в необходимость

повиновения государственной власти и стали бороться с ней. Борьба эта началась уже давно, но особенно сильно проявилась она в конце XVIII столетия. Борьба эта продолжалась в прошлом веке, продолжается и теперь в более или менее скрытой форме во всем так называемом христианском мире и с особенной энергией происходит теперь в России.

То, что происходит теперь в России, есть эта самая борьба людей, потерявших внутреннюю религиозную связь между собой, потерявших и веру в необходимость повиновения власти. Борьба эта состоит в том, что люди стараются освободить себя от насильнической власти теми же самыми грубыми и жестокими средствами, которые употребляла и употребляет власть для удержания их в повиновении себе.

Если в России эта борьба проявляется безобразнее и жесточе, чем она проявлялась в других государствах, то это происходит только оттого, что это проявление позднейшее.

VIII

Во многих отношениях положение русского народа подобно тому, в каком были европейские народы сто лет назад, но во многом положение это и совсем иное. Подобно оно тем, что русский народ теперь, так же как и тогда европейские народы, в своем огромном большинстве, понял, что та вера, которой его обучали, в троицу, рай и ад, таинства, иконы, мощи, посты, молитвы, вера в святость и величие ца-

ря и обязанность повиновения властям, вера, совместимая с убийствами и всякого рода насилиями, не есть вера, а только подобие ее, и в последнее время с необыкновенной быстротой и легкостью освобождается как от ложной религиозной веры, так и от еще более бесосновной веры в благодетельность, необходимость царской и вообще правительственной власти.

В этом стремлении к освобождению себя от веры в извращенное христианство и в необходимость и священность власти положение русских людей совершенно подобно положению европейских людей в начале прошлого столетия. Разница же в том, что революция, совершающаяся теперь в России, — позднейшая, и что поэтому русские люди могут видеть теперь то, чего не могли видеть европейские народы, именно то, к чему привела народы их борьба с своими правительствами. Русские люди не могут не видеть того, что вся эта борьба не только не уничтожила, но даже не уменьшила того зла, с которым они боролись. Не могут не видеть русские люди того, что все потраченные во время революции усилия, вся пролитая кровь не уничтожили бедность и зависимость трудящихся от богатых и властвующих, не прекратили те траты народных сил на захваты чужих владений, на войны, не освободили народ от власти немногих. Не могут не видеть русские люди ту тщету борьбы насилия против насилия, на которую столько сил напрасно потратили европейские народы. В этом одна причина различия теперешнего положения

русских людей от положения людей западного мира сто лет тому назад.

Другая же, и самая важная, в том, что, кроме той официальной, мнимо христианской религии, одинаково привитой как всем западным, так и русскому народу, в русском народе с самых древних времен, рядом с этой официальной, всегда жила другая, неофициальная, жизненная христианская вера, каким-то странным путем, через святые жизни старцев, через юродивых, странников, проникшая в народ, и в пословицах, в рассказах, легендах утвердившаяся в нем и руководящая им. Сущность этой веры в том, что человеку жить надо *по-божьи, для души*, что люди все братья, что то, что велико перед людьми, то мерзость перед богом, что спастись может человек не исполнением обрядов и молитвами, а только делами милосердия и любви. Вера эта всегда жила в народе и была его истинной верой, руководящей его жизнью рядом с той ложной церковной верой, которая внешним образом была привита ему. Вера эта лет 70 тому назад еще была сильна в народе, но за последние 50 лет, особенно вследствие упадка нравственности духовенства и в особенности монашества, стала всё больше и больше ослабевать во всем народе и стала выделяться в секты так называемых: молокан, штундистов, хлыстов, субботников, божьих людей, малеванцев, еговистов, духоборов и многих других. Общие черты большинства этих сект, кроме общего всем решительного отрицания православия, были всё большее и большее внесение в по-

ведение нравственных христианских правил и непризнание требований государственной власти, главное же, законности и необходимости убийства человека человеком. Вера эта в последнее время, как в отпор революционному озлоблению, захватившему часть русских людей, всё более и более уясняется и очищается; людей самых различных общественных положений и образований, исповедующих эту веру, становится всё больше и больше, люди всё больше и больше сближаются между собой, и понимание ими христианской истины всё более и более упрощается и вносится в жизнь.

Так что, несмотря на общие черты русской революции со всеми, прежде происходившими революциями в христианском мире, русские люди, и вследствие того, что она позднейшая, и вследствие того, что русский народ был всегда особенно религиозен и рядом с внешней официальной религией воспитал и удержал в себе христианские начала в их истинном значении, русские люди не могут не прийти к другому из своей революции исходу, чем тот, к которому пришли в прошлом веке западные народы.

В русском народе происходит теперь напряженная борьба двух самых противоположных свойств человека: человека зверя и человека христианина.

Русскому народу предстоят теперь два пути: один тот, по которому шли и идут европейские народы: насиллием бороться с насиллием, побороть его и насиллием же установить и стараться поддерживать вновь установленный, такой же, как и

отвергнутый, насильственный порядок вещей. Другой же – тот, чтобы, поняв то, что соединение людей насилем может быть только временным, но что истинно соединить людей может только одно и то же понимание жизни и вытекающий из него закон, – попытаться уяснить себе то более или менее ясно сознаваемое народом понимание жизни и вытекающий из него закон, исключаяющий во всяком случае разрешение убийства человеком человека, уяснить себе это понимание жизни и на нем, только на нем, а не на насилии, основать свою жизнь и свое единение.

И такая замена соединения людей, основанного на насилии, соединением, основанным на общем всем людям нашего христианского мира понимании жизни, предстоит, я думаю, в наше время не только русскому народу, но и всему христианскому человечеству.

IX

Утечет еще много воды, а может быть и крови, пока это совершится. Но не может быть того, чтобы не пришло, наконец, время для людей христианского мира, когда они, освободившись от ложной веры и от возникшего на ней насилия, не соединились бы все в одном высшем, таком общем им всем религиозном понимании жизни, при котором не только невозможно, но совершенно ненужно убийство человека человеком. Придет это время, потому что жизнь людей, со-

единенная насилием, возникшим на пережитой уже людьми вере, может быть временным, переходным состоянием, но не может быть жизнью разумных существ. Животные могут быть соединены насилием, но люди могут соединяться только одним общим для всех пониманием, жизни. Общее же для всех людей нашего мира понимание жизни есть только одно. И я думаю, что понимание это есть то, которое выражено в том христианстве, при котором, как бы мы ни понимали его, не может быть допущена полезность, необходимость, законность убийства.

Ведь стоит только людям, думающим, что они верят в христианство, выбросить из него все те бессмыслицы о троицах и происхождении святого духа, об искуплении верой, рае, аде и т. п., даже все чувствительные слова о любви в столь любимой XIII главе Коринфянам, а людям, не верующим в христианство, а верующим в науку, выбросить из нее многословные и сложные рассуждения о праве, государстве, представительстве, прогрессе, будущем социализме, а вместо всего этого признать только одну простую и ясную и высказанную за тысячи лет истину, составляющую первое, необходимое отрицательное условие всякой нравственности – истину, признаваемую и сердцем, и умом, и всем существом всякого неиспорченного человека, истину о том, что человек не должен убивать человека, и тотчас же изменился бы весь существующий ужасный, зверский строй нашей жизни, и сложилась бы жизнь, согласная с сознанием людей

нашего времени, сделалось бы то самое, чего стремятся достигнуть теперь лучшие люди нашего времени.

Человечество медленно, с остановками, отступлениями, возвращениями назад, поднимается всё выше и выше, переходя с ступени на ступень при своем движении к совершенству и благу. Долго стояло человечество перед той ступенью, которая поднимала его к возможности согласной жизни людей без необходимости убийства; но оно в наше время, хочет или не хочет этого, необходимо должно наступить на нее. Если не разум, не стремление к добру, то самая бедственность положения, всё увеличивающаяся и увеличивающаяся, заставит людей сделать это, то есть начать устраивать свою жизнь не на началах ненависти и угрозы, а на началах разума и любви.

«Царство божие на земле – это конечная цель и желание человечества. (Да придет царство твое.) Христос приблизил к нам это царство, но люди не поняли его и воздвигли в нас царство попов, а не царство бога», – говорил Кант.

«И только тогда, – говорил он, – можно будет с полным основанием сказать, что пришло к нам это царство божие, когда укоренится в людях сознание необходимости постепенного перехода церковной веры во всеобщую разумную религию».

И я думаю, не только думаю, но уверен, что время это пришло.

Люди устроили себе жизнь, всю держащуюся на против-

ном и разуму и сердцу человека деянии, – убийстве, и вместе с этим, целым длинным, веками выработавшимся, хитрым обманом вполне уверили себя, что они или исповедуют такой закон Христа, или знают такую науку, при которых несомненно доказывается то, что убийство человека человеком согласно и с разумом и с сердцем человека, и когда им говорят о том, что жизнь их зверская и что их христианство и их наука есть насмешка и надругательство над религией и наукой, что им надо перестать быть убийцами, если они хотят быть христианами и просвещенными людьми, они только улыбаются и пожимают плечами. Так неисполнимо кажется им перестать делать то, что было запрещено самыми первобытными религиозными законами самых древних людей, – то, что заложено самыми первобытными религиозными законами самых древних людей, – то, что заложено и в сознании и в сердце всякого неиспорченного человека, и то, что никакими, самыми хитроумными рассуждениями не может быть соединено с христианским учением, которое они будто бы исповедуют, ни с просвещением, которым они так гордятся.

Да, какой должен быть ужасный умственный упадок людей нашего мира, когда они могут верить тому, что жизнь их станет хуже, если они перестанут казнить, мучить, убивать, вешать друг друга.

Да, как велико должно быть извращение нравственно-религиозного чувства людей и даже простого рассудка, когда

им нужно доказывать, и почти наверное тщетно, что «не убий» не значит то, что можно убивать людей других, чем свой, народов и еще тех, убийство которых мы признали для себя полезным; а что слова эти, нами же приписываемые богу, значат то, что *не должно убивать никого*.

Да, ужасно нравственное и умственное падение таких людей, когда они еще при этом считают себя стоящими на высшей степени духовного развития. А таковы, страшно сказать, все, за малыми исключениями, люди нашего цивилизованного развращенного мира.

Одно утешение в этом – то, что этот ужасный упадок есть признак последней степени развращения, при которой должно наступить пробуждение. И я верю, что теперешняя русская революция приведет нас к этому.

Да, разумеется, неисполнимо учение Христа для тех людей, которые живут заведением и распоряжением над постройками броненосцев, крепостей, над солдатами, обучаемыми убийству, над школами, воспитывающими убийц, над судами, тюрьмами, виселицами, для людей, владеющих богатствами, охраняемых убийством; для этих людей понятно, что учение Христа неисполнимо; но пора понять тем, кто строит крепости и броненосцы, кого обучают убийству, кого развращают в школах, кого казнят и расстреливают, кто собирает те богатства, которые охраняются убийством, что жизнь без убийств, без насилия гораздо исполнимее, чем та, которую они теперь ведут. И я думаю, что русские люди,

огромное большинство русских людей, поймут и отчасти уже понимают это.

Х

Я верю в это, потому что нелепость того, что совершается, слишком очевидна. Люди правительственные и революционные – одни придумывают и проповедуют самые утонченные, хитроумные научные и государственные законы, другие – еще более хитроумные, сложные и дальновидные планы о том, как в будущем должно устроиться человечество, но и те, и другие, и третьи для достижения своих целей считают не важным делом до времени допустить необходимость и законность убийства, и потому, несмотря на всё глубокомыслие, старательность и усердие этих людей, все их утонченные и хитроумные соображения не улучшают жизни, а, напротив, жизнь становится всё хуже и хуже.

Люди устроили огород и сажают в нем самым усовершенствованным способом самые драгоценные и нежные растения, и удобряют, и полют, и поливают, но только забыли одно: оставили лазейку в ограде, и скотина заходит в огород, затаптывает и вырывает всё то, что есть в огороде. И люди удивляются и огорчаются и никак не могут понять, отчего все труды их пропадают даром.

То же и с жизнью людей христианского мира. Люди нашего времени придумали себе всякие религиозные и государ-

ственные законы, будто бы ограждающие их, и всячески усовершенствовали свою телесную жизнь: сообщаются мыслями через океаны, летают по воздуху, делают всякие чудеса, но допустили одно маленькое отступление от того, что говорит им мудрость прошедшего, их разум, их сердце, признали за людьми право убивать людей, друг друга, и все – и религиозные, и государственные ограждения перестали быть ограждениями, и все чудеса технических усовершенствований не только не содействуют их благу, но разрушают это благо.

Происходит это оттого, что прежде чем устанавливать такой или иной строй жизни, прежде чем усовершенствовать средства пользования силами природы, – прежде всего людям надо установить то открытое им за тысячу лет религиозно-нравственное учение о том, что в каждом теле человека живет одно и то же божественное начало и что поэтому ни один ни человек, ни собрание людей не может иметь права нарушить это установленное соединение божественного начала с человеческим телом, то есть лишить человека жизни.

И признание, и установление такого религиозно-нравственного учения не только возможно, но жизнь становится невозможной без признания и установления этого религиозно-нравственного учения, которое есть не что иное, как всем нам близкое и известное учение Христа в его истинном значении.

И я верю, что наша нелепая и ужасная революция при-

ведет большинство русского народа к признанию, установлению и введению в жизнь этого религиозно-нравственного начала христанского учения.

XI

Да, всё это будет, когда наступит царство божие, но что же делать, пока его нет?

Делать то, что нужно для того, чтобы наступило царство божие.

Что делать голодному человеку, когда у него нет пищи? Работать для того, чтобы приобрести пищу. Как пища не приходит сама собою, так царство божие, то есть добрая жизнь людей, не придет сама собой. Надо ее делать. А чтобы делать ее, надо перестать делать самое ужасное зло, то, которое более всего утверждает дурную жизнь людей: убийство.

И для того, чтобы перестать делать это дело, нужно очень немного. Сознание несвойственности человеческой природе убийства себе подобных уже достаточно укоренилось в огромном большинстве христианского мира. Нужно только одно: понять, признать и проводить в жизнь мысль о том, что мы не призваны устраивать жизнь других людей насильем, неизбежно влекущим за собой убийство, и что всякое убийство, которое мы совершаем, в котором участвуем, на котором строим выгоды своей жизни, не может быть полезно ни другим, ни нам, а напротив, только увеличивает то зло,

которое мы хотим исправить. Только бы познали это люди и воздержались от всякого вмешательства в жизнь других людей, только бы перестали люди искать улучшения своего положения в внешнем, насильственном устройстве, которое невозможно без убийства, а искали бы его каждый для себя в приближении того идеала совершенства, который так определенно поставлен перед каждым человеком христианским учением и который никак уже не совместим с убийством, и сама собой сложилась бы та жизнь, которую так тщетно стараются люди осуществить внешними, всё больше и больше ухудшающими жизнь людей средствами.

Есть только одно средство избавления людей от тех бедствий, которые они несут и которые всё увеличиваются. Средство это: признание и введение в жизнь того открывающего новую эру человечества истинного христианского учения, того истинного христианского учения, которое без признания основного положения его непротивления злу злом есть только лицемерное, никого ни к чему не обязывающее учение, не только не изменяющее той зверской животной жизни, которой живут теперь люди, но еще поддерживающее ее.

«А, опять старая песня непротивления!» – слышу я самоуверенные презрительные голоса.

Но что же делать человеку, который видит, что толпа, давя, губя друг друга, валит и напирает на неразрушимую дверь, надеясь отворить ее наружу, когда он знает, что дверь

отворяется только внутрь.

5 августа 1907 г.

ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА

(Обращение к кружку молодежи)

Мне хотелось бы на прощание (в мои годы всякое свидание с людьми есть прощание) вкратце сказать вам, как, по моему понятию, надо жить людям для того, чтобы жизнь наша не была злом и горем, какою она теперь кажется большинству людей, а была бы тем, чего желает бог и чего мы все желаем, то есть благом и радостью, какою она и должна быть.

Всё дело в том, как понимает человек свою жизнь. Если понимать свою жизнь так, что жизнь эта дана мне в моем теле, Ивану, Петру, Марье, и что всё дело жизни в том, чтобы добыть как можно больше всяких радостей, удовольствий, счастья этому своему «я», Ивану, Петру, Марье, то жизнь всегда и для всех будет несчастна и озлобленна.

Несчастливая и озлобленная жизнь будет потому, что всего, чего хочется для себя одному человеку, того же самого хочется и всякому другому. А так как каждому хочется всякого для себя добра как можно больше и добро это одно и то же для всех таких людей, то добра этого для всех никогда недо-

стает. А потому, если люди живут каждый для себя, то не миновать им отнимать друг у друга, бороться, злиться друг на друга, и от этого жизнь их не бывает счастливою. Если же временами люди и добудут себе того, чего им хочется, то им всегда мало, и они стараются добыть всё больше и больше, и, кроме того, еще и боятся, что у них отнимут то, что они добыли, и завидуют тем, которые добыли то, чего у них нет.

Так что если люди понимают свою жизнь каждый в своем теле, то жизнь таких людей не может не быть несчастною. Такая она и есть теперь для всех таких людей. А такую, то есть несчастною, жизнь не должна быть. Жизнь дана нам на благо, и так мы все и понимаем жизнь. Для того же, чтобы жизнь была такою, людям надо понимать, что жизнь наша настоящая никак не в нашем теле, а в том духе, который живет в нашем теле, и что благо наше не в том, чтобы угождать и делать то, чего хочет тело, а в том, чтобы делать то, чего хочет этот дух один и тот же, живущий в нас, так же как и во всех людях. Хочет же этот дух блага себе, духу. А так как дух этот во всех людях один и тот же, то и хочет он блага всем людям. Желать же блага всем людям значит любить людей. Любить же людей никто и ничто помешать не может; а чем больше человек любит, тем жизнь его становится свободнее и радостнее.

Так что выходит, что угодить телу человек, сколько бы он ни старался, никогда не в силах, потому что то, что нужно телу, не всегда можно добыть, а если добывать, то надо бо-

роться с другими, угодить же душе человек всегда может, потому что душе нужна только любовь, а для любви не нужно ни с кем бороться, не только не нужно бороться с другими, а напротив, чем больше любишь, тем больше сближаешься с другими людьми. Так что любви ничто помешать не может, и всякий человек, что больше любит, то всё больше и больше не только сам делается счастливым и радостным, но и делает счастливыми и радостными и других людей.

Так вот это-то, милые братья, мне хотелось сказать вам на прощание, сказать то, чему учили вас все святые и мудрые люди и Христос и все мудрецы мира, а именно тому, что жизнь наша бывает несчастна от нас самих, что та сила, которая послала нас в жизнь и которую мы называем богом, послала нас не за тем, чтобы мы мучились, а затем, чтобы имели то самое благо, какого мы все желаем, и что не получаем мы это предназначенное нам благо только тогда, когда понимаем жизнь не так, как должно, и делаем не то, что должно.

А то мы жалуемся на жизнь, что жизнь наша плохо устроена, а не думаем того, что не жизнь наша плохо устроена, а что делаем мы не то, что нужно. А это всё равно, как если бы пьяница стал жаловаться на то, что спился он оттого, что много завелось трактиров и кабаков, тогда как завелось много трактиров и кабаков только оттого, что много развелось таких же, как он, пьяниц.

Жизнь дана людям на благо, только бы они пользовались ею, как должно ею пользоваться. Только бы жили люди не

ненавистью друг к другу, а любовью, и жизнь была бы непре-
рестающим благом для всех.

Теперь вот со всех сторон говорят только одно: жизнь, говорят, наша дурная и несчастная оттого, что она дурно устроена, – давай переделаем дурное устройство на хорошее, и жизнь наша будет хорошая.

Милые братья, не верьте этому, не верьте тому, что от такого или иного устройства жизнь ваша может быть хуже или лучше. Не говорю уже о том, что все те люди, которые заботятся об устройстве лучшей жизни, – все несогласны между собою, все спорят промежду собою: одни предлагают одно устройство, считая его самым лучшим, другие же говорят, что это устройство самое дурное, а что хорошо только то, которое они предлагают. А третьи забраковывают и это и предлагают свое самое лучшее и т. д. Но если бы даже и было такое, самое лучшее устройство, – если даже согласиться с тем, что придумано самое лучшее устройство, то как же сделать, чтобы люди жили по этому устройству, как удержать это хорошее устройство, когда люди привыкли и любят жить дурно? А то мы теперь привыкли и любим жить дурно, за что ни возьмемся, всё гадим, а говорим, что хорошо станем жить, когда будет устройство хорошее. Да как же быть хорошему устройству, когда люди плохие?

Так что если и есть такое самое лучшее устройство жизни, то для того, чтобы добиться его, надо людям становиться лучше. Вам же обещают хорошую жизнь после того, как вы,

кроме вашей теперешней дурной жизни, будете еще бороться с людьми, насиловать людей, даже убивать их, чтобы ввести это хорошее устройство, то есть вам обещают хорошую жизнь после того, как вы сами сделаетесь еще хуже, чем теперь.

Не верьте, не верьте этому, милые братья! Для того, чтобы жизнь была хорошая, есть только одно средство: самим людям быть лучше. А будут люди лучше, и сама собою устроится та жизнь, какая должна быть среди хороших людей.

Уже давно живет среди людей обман о том, что посредством хорошего устройства можно из плохих людей сделать хорошую жизнь (как из гнилого зерна испечь хороший хлеб), и обман этот много сделал и теперь делает зла людям. Прежде обманом этим занимались одни правители. Они старались (по крайней мере говорили, что стараются) и теперь стараются посредством разных насилий – отобрания имущества, заключениями, казнями – сделать из недобрых людей доброе и мирное общество. Теперь это самое стараются сделать революционеры и вас призывают к этому. Милые братья, не поддавайтесь этому обману. Пускай правители, цари, министры, стражники, урядники делают свое дурное дело; вы же, как были чисты от него, так и старайтесь оставаться чистыми. Точно так же старайтесь быть чистыми и от участия в тех делах насилия, к которым вас призывают революционеры.

Спасение ваше и всех людей никак не в греховном, на-

сильническом устройстве жизни, а в устройстве своей души. Только этим, таким устройством души, добудет каждый человек и себе и другим людям самое большое благо и самое лучшее устройство жизни, какого могут только желать люди. Истинное благо, то, какое ищет каждое сердце человеческое, дано нам не в каком-либо будущем устройстве жизни, поддерживаемом насилием, а сейчас, всем нам, везде, во всякую минуту жизни и даже смерти, достигаемом любовью.

Благо это дано нам из века; но люди не понимали его и не брали его. Теперь же пришло время, когда нам нельзя уже не принять его, нельзя не принять первое, потому что безобразия и страдания нашей жизни довели нас до того, что жизнь наша становится непереносимо мучительной. Второе то, что всё более и более раскрывающееся нам истинное учение Христа стало теперь так ясно, что нам уже для нашего спасения нельзя не признать и не принять его. Спасение наше теперь в одном: в признании того, что истинная жизнь наша не в теле нашем, а в том духе божьем, который живет в нас, и что поэтому все те усилия, которые мы клали прежде на улучшение нашей телесной, как отдельной, так и общественной жизни, мы можем и должны класть на одно единственно нужное и важное для человека дело, на то, чтобы каждому в самом себе воспитывать и утверждать любовь, не только к любящим нас, а, как говорил Христос, ко всем людям, и в особенности к чуждым нам людям, к ненавидящим нас.

Жизнь наша теперь так далека от этого, что в первую минуту такое перенесение всех своих усилий, вместо заботы о мирских делах, на одно невидное, непривычное нам дело – на любовь ко всем людям – кажется невозможным.

Но это только так кажется: любовь ко всем людям, даже к ненавидящим нас, гораздо больше свойственна душе человека, чем борьба с ближними и ненависть к ним. Перемена понимания смысла жизни не только не невозможна в наше время, но, напротив, невозможно продолжение той озлобленной всех против всех жизни, которую мы ведем теперь. Перемена эта не только не невозможна, но, напротив, только она одна может вывести людей из тех бедствий, от которых они страдают, и потому перемена эта неизбежно рано или поздно должна совершиться.

Милые братья, зачем, за что вы мучаете себя? Только поймите, что вам предназначено величайшее благо, и возьмите его. Всё – в вас самих. Это так легко, так просто и так радостно. Но, может быть, люди страдающие, бедные, угнетенные скажут: «да, это может быть хорошо для богатых и властвующих; легко богатым и властвующим любить врагов, когда враги эти во власти их. Но это трудно для нас, страдающих и угнетенных». Но это неправда. Милые братья, изменить свое понимание жизни одинаково нужно и властвующим, и богатым, и подчиненным, бедным. И подчиненным и бедным это легче, чем богатым. Подчиненным и бедным нужно только, не изменяя своего положения, не только не делать дел про-

тивных любви, но не принимать участия в этих делах, как дела насилия, полиции, стражи, войска, и всё это враждебное любви устройство падет само; властвующим же гораздо труднее принять и исполнить учение любви. Для того, чтобы им исполнить это учение, им надо отказаться от обладающих ими соблазнов власти, богатства; и это труднее им; бедным же и подчиненным надо только не делать новых насилий и, главное, не принимать участия в старом.

Как растет человек, так растет и человечество. Сознание любви росло, растет в нем и доросло в наше время до того, что мы не можем не видеть, что оно должно спасти нас и стать основой нашей жизни. Ведь то, что теперь делается, это последние судороги умирающей насильнической, злобной, нелюбовной жизни.

Ведь теперь уже не может быть не ясно, что все эти борьбы, вся эта ненависть, все эти насильственные устройства, отстаивания властей, государств разных народов, что всё это бессмысленные, ни к чему, кроме как к всё увеличивающимся бедствиям, не ведущие обманы. И не может не быть ясно, что единственное, самое простое и легкое спасение от всего этого есть сознание основного начала жизни всех людей – любви – того начала, которое неизбежно, без всякого усилия заменяет величайшее зло величайшим благом.

Есть предание о том, что апостол Иоанн, достигши глубокой старости, был весь поглощен одним чувством и всё одними и теми же словами выражал его, говоря только одно:

«Дети, любите друг друга». Так выразилась старость, то есть дожившая до известного предела жизни жизнь одного человека. Так точно должна выразиться жизнь человечества, дожившая до известного предела.

Ведь это так просто, так ясно: ты живешь, то есть родился, растешь, мужаешь, стареешься и вот-вот умрешь. Неужели цель твоей жизни может быть в тебе? – наверное нет. Что же такое, – спрашивает себя тогда человек, – что я такое? – И ответ один: я что-то такое любящее – в первое время кажется, что любящее только себя, но стоит немного пожить, немного подумать, чтобы увидеть, что любить себя, проходящего через жизнь, умирающего, нельзя, незачем. Чувствуешь, что я должен любить и люблю себя. Но, любя себя, я не могу не чувствовать, что предмет моей любви недостойн ее; но не любить я не могу. В любви – жизнь. Как же тут быть? Любить других, близких, друзей, любящих. Сначала кажется, что это удовлетворяет потребности любви, но все эти люди, во-первых, несовершенны, во 2-х, изменяются, главное умирают. Что же любить? И ответ один: любить всех, любить начало любви, любить любовь, любить бога. Любить не для того, кого любишь, не для себя, а для любви. Стоит понять это, и сразу уничтожается всё зло человеческой жизни и становится ясным и радостным смысл ее.

«Да, это хорошо бы было. Чего же лучше? – скажут люди. – Хорошо бы было любить и жить для любви, если бы все так жили. А то я буду жить для любви, отдавать всё другому,

а другие будут жить для себя, для своего тела; что же будет со мною, да еще и не со мною одним, а с семьей, с теми, кого я люблю, не могу не любить. Разговоры о любви давно говорятся, да никто им не следует. Да и нельзя следовать. Отдать свою жизнь любви можно бы было только тогда, когда все люди сразу каким-то чудом переменят жизнь мирскую, телесную на жизнь духовную, божескую. Но чуда этого нет, и потому всё это слова, а не дело». Так говорят люди, успокаивая себя в своей ложной, привычной жизни. Они говорят так, но в глубине души они знают, что они не правы. Они знают, что рассуждения эти неверны. Они неверны, потому что только для выгоды мирской, телесной жизни нужно, чтобы люди все сразу изменили свою жизнь; но не то для духовной жизни: любви, любви к богу и людям. Любовь дает благо человеку не в своих последствиях, а в самой любви, дает ему благо совершенно независимо от того, как поступают другие люди, и что вообще совершается во внешнем мире. Любовь дает благо тем, кто человек, любя, соединяется с богом и не только ничего не желает для себя, но желает отдать всё, что имеет, и свою жизнь другим, и в этом отдавании себя богу находит благо. И потому всё то, что делают другие люди, всё то, что может совершиться в мире, не может иметь влияния на его поступки. Любить значит отдаться богу, делать то, чего хочет бог, а бог есть любовь, то есть хочет блага всем и потому не может хотеть того, чтобы человек погибал, исполняя его закон.

Любящий человек и один среди нелюбящих не погибает. А если и погибает среди людей, как Христос погиб на кресте, то и смерть его – и радостная для него и значительная для других, а не отчаянная и ничтожная, каковы бывают смерти мирских людей.

Так что отговорка о том, что я не отдаюсь любви потому, что не все сделают то же и я останусь один, – и неправильная и нехорошая. Это то же, как если бы человек, которому нужно работать для того, чтобы кормить себя и детей, не брался бы за работу потому, что другие не работают.

Да, милые братья, положим нашу жизнь в усилении в себе любви и предоставим миру идти, как он хочет, то есть как определено ему свыше. Поступим так, и поверьте мне, что мы получим наибольшее благо себе, сделаем всё то добро другим людям, какое мы только можем сделать.

Ведь это так просто, так легко и так радостно. Только любви каждый человек, люби не одних любящих, а всех людей, особенно ненавидящих, как учил Христос, и жизнь – перестоящая радость, и все вопросы, которые заблудшие люди так тщетно пытаются разрешить насилем, не только разрешаются, а перестают существовать. «И мы знаем, что перешли от смерти в жизнь, если любим братьев. Не любящий брата не имеет жизни вечной. Только любящий брата своего имеет жизнь вечную, пребывающую в нем».

Еще одно слово, милые братья. Ни про одно дело нельзя узнать, хорошо ли оно, или дурно, если не испытать его

на деле в жизни. Если земледельцу говорят, что хорошо сеять рожь рядами, или пчеловоду, что хорошо ульи делать рамочные, то разумный земледелец и пчеловод, чтобы верно узнать, правда ли, что ему говорят, сделает опыт, и следует или не следует тому, что ему предлагали, смотря по тому, насколько он находит подтверждения в опыте.

То же и во всем деле жизни. Для того, чтобы верно узнать, насколько применимы в жизни поучения о любви, испытайте их.

Попробуйте: возьмите на себя на известный срок следовать во всем требованиям любви: жить так, чтобы во всех делах прежде всего помнить, чтобы со всяким человеком, с вором, пьяницей, с грубым начальником или подчиненным не отступить от любви, то есть, имея с ним дело, помнить о том, что нужно ему, а не о себе. И, прожив так положенный срок, спросите себя: тяжело ли вам было и испортили ли вы себе или улучшили жизнь, и, смотря по тому, что даст вам опыт, решайте уже, правда ли то, что исполнение любви дает в жизни благо, или это только одни слова. Испытайте это, постарайтесь вместо того, чтобы отплатить злом за зло обидчику, вместо того чтобы осудить за глаза человека, живущего дурно, и т. п., вместо этого постарайтесь отвечать добром на зло, ничего не сказать дурного о человеке, не обойтись грубо даже со скотиной, с собакой, а с добротой и с лаской, и проживите так день, два или больше (для опыта) и сравните ваше за это время душевное состояние с тем, какое быва-

ло прежде. Испытайте это, и вы увидите, как вместо хмурого, сердитого и тяжелого состояния вы будете светлы, веселы, радостны. А живите так и другую и третью неделю, и вы увидите, как душевная радость ваша всё будет расти и расти, и дела ваши не только не будут разлаживаться, а будут всё только больше и больше спориться.

Только испытайте это, милые братья, и вы увидите, что учение о любви не слова, а дело – самое, самое близкое, всем понятное и нужное дело.

ВЕРЬТЕ СЕБЕ

(Обращение к юношеству)

Верьте себе, выходящие из детства юноши и девушки, когда впервые поднимаются в душе вашей вопросы: кто я такое, зачем живу я и зачем живут все окружающие меня люди? И главный, самый волнительный вопрос, так ли живу я и все окружающие меня люди? Верьте себе и тогда, когда те ответы, которые представятся вам на эти вопросы, будут несогласны с теми, которые были внушены вам в детстве, будут несогласны и с той жизнью, в которой вы найдете себя живущими вместе со всеми людьми, окружающими вас. Не бойтесь этого разногласия; напротив, знайте, что в этом разногласии вашем со всем окружающим выразилось самое

лучшее, что есть в вас, – то божественное начало, проявление которого в жизни составляет не только главный, но единственный смысл нашего существования. Верьте тогда не себе, известной личности, – Ване, Пете, Лизе, Маше, сыну, дочери царя, министра или рабочего, купца или крестьянина, а себе, тому вечному, разумному и благому началу, которое живет в каждом из нас и которое в первый раз пробудилось в вас и задало вам эти важнейшие в мире вопросы и ищет и требует их разрешения. Не верьте тогда людям, которые с снисходительной улыбкой скажут вам, что и они когда-то искали ответов на эти вопросы, но не нашли, потому что нельзя найти иных, кроме тех, которые приняты всеми.

Не верьте этому, а верьте только себе, и не бойтесь несогласия со взглядами и мыслями людей, окружающих вас, если только несогласные с ними ответы ваши на представляющиеся вам вопросы основаны не на ваших личных желаниях, а на желании исполнить назначение своей жизни, исполнить волю той силы, которая послала вас в жизнь. Верьте себе, особенно когда ответы, представляющиеся вам, подтверждаются теми вечными началами мудрости людской, выраженной во всех религиозных учениях и в наиболее близком вам учении Христа в его высшем духовном значении.

Помню, как я, когда мне было 15 лет, переживал это время, как вдруг я пробудился от детской покорности чужим взглядам, в которой жил до тех пор, и в первый раз понял, что мне надо жить самому, самому избирать путь, самому

отвечать за свою жизнь перед тем началом, которое дало мне ее. Помню, что я тогда, хотя и смутно, но глубоко чувствовал, что главная цель моей жизни это то, чтобы быть хорошим, в смысле евангельском, в смысле самоотречения и любви. Помню, что я тогда же попытался жить так, но это продолжалось недолго. Я не поверил себе, а поверил всей той внушительной, самоуверенной, торжествующей мудрости людской, которая внушалась мне сознательно и бессознательно всем окружающим. И мое первое побуждение заменилось очень определенными, хотя и разнообразными желаниями успеха перед людьми, быть знатным, ученым, прославленным, богатым, сильным, то есть таким, которого бы не я сам, но люди считали хорошим.

Я не поверил себе тогда, и только после многих десятков лет, потраченных на достижение мирских целей, которых я или не достиг или которых достиг и увидел бесполезность, тщету, а часто и вред их, я понял, что то самое, что я знал 60 лет тому назад и чему не поверил тогда, и может и должно быть единственной разумной целью усилий всякого человека.

А какую иную, более радостную для себя и более полезной людям могла бы быть моя жизнь, если бы я тогда, когда голос истины, бога, в первый раз заговорил в не подвергшейся еще соблазнам душе моей, поверил бы этому голосу и отдался бы ему?

Да, милые юноши, искренно, самостоятельно, не под влия-

ниями внешнего внушения, а самостоятельно и искренно пробудившиеся к сознанию всей важности своей жизни, да, не верьте людям, которые будут говорить вам, что ваши стремления только неисполнимые мечты молодости, что и они так же мечтали и стремились, но что жизнь скоро показала им, что она имеет свои требования и что надо не фантазировать о том, какая бы могла быть наша жизнь, а стараться наилучшим образом согласовать свои поступки с жизнью существующего общества и стараться только о том, чтобы быть полезным членом этого общества.

Не верьте и тому особенно усилившемуся в наше время опасному соблазну, состоящему в том, что высшее назначение человека – это содействие переустройству существующего в известном месте, в известное время общества, употребляя для этого всевозможные средства, даже и прямо противоположные нравственному совершенствованию. Не верьте этому; цель эта ничтожна перед целью проявления в себе того божественного начала, которое заложено в душе вашей. И цель эта ложна, если она допускает отступления от начала добра, заложенного в душе вашей.

Не верьте этому. Не верьте тому, что осуществление добра и истины невозможно в душе вашей. Такое осуществление добра и истины не только не невозможно в душе вашей, но вся жизнь, и ваша, и всех людей, только в одном этом, и только это осуществление в каждом человеке ведет не только к лучшему переустройству общества, но и ко всему тому бла-

гу человечества, которое предназначено ему и которое осуществляется только личными усилиями каждого отдельного человека.

Да, верьте себе, когда в душе вашей будут говорить не желание превзойти других людей, отличиться от других, быть могущественным, знаменитым, прославленным, быть спасителем людей, избавителем их от вредного устройства жизни (такие желания часто подменяют желание добра), а верьте себе, когда главное желание вашей души будет то, чтобы самому быть лучше, я не скажу: совершенствоваться, потому что в самосовершенствовании есть нечто личное, удовлетворяющее самолюбию, а скажу: делаться тем, чем хочет тот бог, который дал нам жизнь, открывать в себе то вложенное в нас, подобное ему, начало, жить по-божьи, как говорят мушкетеры.

Верьте себе и живите так, напрягая все свои силы на одно: на проявление в себе бога, и вы сделаете всё, что вы можете сделать и для своего блага, и для блага всего мира.

Ищите царствия божия и правды его, а остальное приложится вам. Да, верьте себе в то великой важности время, когда в первый раз загорится в вашей душе свет сознания своего божественного происхождения. Не тушите этот свет, а всеми силами берегите его и давайте ему разгореться. В этом одном, в разгорании этого света – единственный великий и радостный смысл жизни всякого человека.

Лев Толстой.

[ВОСПОМИНАНИЯ О СУДЕ НАД СОЛДАТОМ]

Милый друг Павел Иванович.

Очень рад исполнить ваше желание и сообщить вам более подробно то, что было передумано и пережито мною в связи с тем случаем моей защиты солдата, о котором вы пишете в своей книге. Случай этот имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неудачи в литературе, даже потеря близких людей.

Расскажу, как всё это было, а потом уже постараюсь высказать те мысли и чувства, которые тогда вызвало во мне это событие и теперь воспоминание о нем.

Чем особенно я занимался и увлекался в это время, я не помню, вы это лучше меня знаете; знаю только, что жил я в это время спокойной, самодовольной и вполне эгоистической жизнью. Летом 1866 года нас посетил совершенно неожиданно Гриша Колокольцов, кадетом еще ходивший в дом Берсов и знакомый моей жены. Оказалось, что он служил в пехотном полку, расположенном в нашем соседстве. Это был веселый, добродушный мальчик, особенно занятый в это время своей верховой, казачьей лошадкой, на которой он любил гарцовать, и часто приезжал к нам.

Благодаря ему мы познакомились и с его полковым командиром, полковником Юношей, и с разжалованным или отданным в солдаты по политическим делам (не помню) А. М. Стасюлевичем, родным братом известного редактора, служившем в этом же полку. Стасюлевич был уже немолодой человек. Он только недавно из солдат был произведен в прапорщики и поступил в полк к бывшему своему товарищу Юноше, теперь его главному начальнику. И тот и другой, Юноша и Стасюлевич, тоже изредка езжали к нам. Юноша был толстый, румяный, добродушный, холостой еще человек. Он был один из тех так часто встречающихся людей, в которых человеческого совсем не видно из-за тех условных положений, в которых они находятся и сохранение которых они ставят высшей целью своей жизни. Для полковника Юноши условное положение это было положение полкового командира. Про таких людей, судя по-человечески, нельзя сказать, добрый ли, разумный ли он человек, так как неизвестно еще, каким бы он был, если стал бы человеком и перестал бы быть полковником, профессором, министром, судьей, журналистом. Так это было и с полковником Юношей. Он был исполнительный полковой командир, приличный посетитель, но какой он был человек – нельзя было знать. Я думаю, не знал и он сам, да и не интересовался этим. Стасюлевич же был живой человек, хотя и изуродованный с разных сторон, более же всего теми несчастьями и унижениями, которые он, как честолюбивый и самолюбивый человек, тяже-

ло переживал. Так мне казалось, но я недостаточно знал его, чтобы поглубже вникнуть в его душевное состояние. Одно знаю, что общение с ним было приятно и вызывало смешанное чувство сострадания и уважения. Стасюлевича я потом потерял из виду, но недолго после этого, когда полк их стоял уже в другом месте, я узнал, что он без всяких, как говорили, личных причин лишил себя жизни, и сделал это самым странным образом. Он рано утром надел в рукава ваточную тяжелую шинель и в этой шинели вошел в реку и утонул, когда дошел до глубокого места, так как не умел плавать.

Не помню, кто из двух, Колокольников или Стасюлевич, в один день летом приехав к нам, рассказал про случившееся у них для военных людей самое ужасное и необыкновенное событие: солдат ударил по лицу ротного командира, капитана, академика. Стасюлевич особенно горячо, с сочувствием к участи солдата, которого ожидала, по словам Стасюлевича, смертная казнь, рассказывал про это и предложил мне быть защитником на военном суде солдата.

Должен сказать, что приговоры одними людьми других к смерти и еще других к совершению этого поступка: смертная казнь, всегда не только возмущала меня, но представлялась мне чем-то невозможным, выдуманном, одним из тех поступков, в совершение которых отказываешься верить, несмотря на то, что знаешь, что поступки эти совершались и совершаются людьми. Смертная казнь, как была, так и осталась для меня одним из тех людских поступков, сведения о

совершении которых в действительности не разрушают во мне сознания невозможности их совершения.

Я понимал и понимаю, что под влиянием минуты раздражения, злобы, мести, потери сознания своей человечности человек может убить, защищая близкого человека, даже себя, может под влиянием патриотического, стадного внушения, подвергая себя опасности смерти, участвовать в совокупном убийстве на войне. Но то, чтобы люди спокойно, в полном обладании своих человеческих свойств могли обдуманно признавать необходимость убийства такого же, как они, человека и могли бы заставлять совершать это противное человеческой природе дело других людей – этого я никогда не понимал. Не понимал и тогда, когда в 1866 году жил своей ограниченной, эгоистической жизнью, и потому я, как это ни было странно, с надеждой на успех взялся за это дело.

Помню, что, приехав в деревню Озерки, где содержался подсудимый (не помню хорошенько, было ли это в особом помещении, или в том самом, в котором и совершился поступок), и войдя в кирпичную низкую избу, я был встречен маленьким скуластым, скорее толстым, чем худым, что очень редко в солдате, человеком с самым простым, не переменяющимся выражением лица. Не помню, с кем я был, кажется, что с Колокольцовым. Когда мы вошли, он встал по-солдатски. Я объяснил ему, что хочу быть его защитником, и просил рассказать, как было дело. Он от себя мало говорил и только на мои вопросы неохотно, по-солдатски отвечал: «так

точно». Смысл его ответов был тот, что ему очень скучно было и что ротный был требователен к нему. «Уж очень он на меня налегал», сказал он.

Дело было так, как описано у вас, но то, что он тут же выпил, чтобы придать себе храбрости, едва ли справедливо.

Как я понял тогда причину его поступка, она была в том, что ротный командир его, человек всегда внешне спокойный, в продолжение нескольких месяцев своим тихим, ровным голосом, требующим беспрекословного повиновения и повторения тех работ, которые писарь считал правильно исполненными, довел его до высшей степени раздражения. Сущность дела, как я понял его тогда, была в том, что, кроме служебных отношений, между этими людьми установились очень тяжелые отношения человека к человеку: отношения взаимной ненависти. Ротный командир, как это часто бывает, испытывал антипатию к подсудимому, усиленную еще догадкой о ненависти к себе этого человека за то, что офицер был поляк, ненавидел своего подчиненного и, пользуясь своим положением, находил удовольствие быть всегда недовольным всем, что бы ни делал писарь, и заставлял его переделывать по нескольку раз то, что писарь считал безукоризненно хорошо сделанным. Писарь же, с своей стороны, ненавидел ротного и за то, что он поляк, и за то, что он оскорблял его, не признавая за ним знания его писарского дела, и, главное, за его спокойствие и за неприступность его положения. И ненависть эта, не находя себе исхода, всё больше и

больше с каждым новым упреком разгоралась. И когда она дошла до высшей степени, она разразилась самым для него же самого неожиданным образом. У вас сказано, что взрыв был вызван тем, что ротный командир сказал, что накажет его розгами. Это неверно. Ротный просто вернул ему бумагу и наказал, исправив, опять переписать.

Суд скоро состоялся. Председателем был Юноша, двумя членами были Колокольцов и Стасюлевич. Привели подсудимого. После не помню каких-то формальностей я прочел свою речь, которую мне не скажу странно, но просто стыдно читать теперь. Судьи с очевидно скрываемой только приличием скукой слушали все те пошлости, которые я говорил, ссылаясь на такие-то и такие-то статьи такого-то тома, и когда всё было выслушано, ушли совещаться. На совещании, как я после узнал, один Стасюлевич стоял за применение той глупой статьи, которую я приводил, то есть за оправдание подсудимого вследствие признания его невменяемым. Колокольцов же, добрый, хороший мальчик, хотя и наверное желал сделать мне приятное, все-таки подчинился Юноше, и его голос решил вопрос. И был прочтен приговор смертной казни через расстреляние. Тотчас же после суда я написал, как это у вас и написано, письмо близкой мне и близкой ко двору фрейлине Александре Андреевне Толстой, прося ее ходатайствовать перед государем – государем тогда был Александр II – о помиловании Шибунина. Я написал Толстой, но по рассеянности не написал имени полка, в кото-

ром происходило дело. Толстая обратилась к военному министру Милютину, но он сказал, что нельзя просить государя, не указав, какого полка был подсудимый. Она написала это мне, я поторопился ответить, но полковое начальство поторопилось, и когда не было уже препятствий для подачи прошения государю, казнь уже была совершена.

Все остальные подробности в вашей книге и христианское отношение народа к казненному совершенно верны.

Да, ужасно, возмутительно мне было перечесть теперь эту напечатанную у вас мою жалкую, отвратительную защитительную речь. Говоря о самом явном преступлении всех законов божеских и человеческих, которое одни люди готовились совершить над своим братом, я ничего не нашел лучшего, как сослаться на какие-то кем-то написанные глупые слова, называемые законами.

Да, стыдно мне теперь читать эту жалкую, глупую защиту. Ведь если только человек понимает то, что собираются делать люди, севшие в своих мундирах с трех сторон стола, воображая себе, что, вследствие того, что они так сели, и что на них мундиры, и что в разных книгах напечатаны и на разных листах бумаги с печатным заголовком написаны известные слова, и что, вследствие всего этого, они могут нарушить вечный, общий закон, записанный не в книгах, а во всех сердцах человеческих, – то ведь одно, что можно и должно сказать таким людям, – это то, чтобы умолять их вспомнить о том, кто они и что они хотят делать. А никак не

доказывать разными хитростями, основанными на тех лживых и глупых словах, называемых законами, что можно и не убивать этого человека. Ведь доказывать то, что жизнь каждого человека священна, что не может быть права одного человека лишить жизни другого – это знают все люди, и этого доказывать нельзя, потому что не нужно, а можно и нужно и должно только одно: постараться освободить людей-судей от того одурения, которое могло привести их к такому дикому, нечеловеческому намерению. Ведь доказывать это – всё равно, что доказывать человеку, что ему не надо делать то, что противно, несвойственно его природе: не надо зимою ходить голому, не надо питаться содержимым помойной ямы, не надо ходить на четвереньках. То, что это несвойственно, противно природе человеческой, давно уже показано людям в рассказе о женщине, подлежащей избиению камнями.

Неужели с тех пор появились люди настолько праведные: полковник Юноша и Гриша Колокольцов с своей лошадкой, что уже им не страшно бросить первый камень?

Я не понимал этого тогда. Не понимал я этого и тогда, когда через Толстую ходатайствовал у государя о помиловании Шибунина. Не могу не удивляться теперь на то заблуждение, в котором я был, – о том, что всё, что совершалось над Шибуниным, было вполне нормально и что также нормально было и участие, хотя и не прямое, в этом деле того человека, которого называли государем. И я *просил* этого человека помиловать другого человека, как будто такое помило-

вание от смерти могло быть в чьей-нибудь *власти*. Если бы я был свободен от всеобщей одури, то одно, что я мог сделать по отношению Александра второго и Шибунина, это то, чтобы просить Александра не о том, чтобы он помиловал Шибунина, а о том, чтобы он помиловал себя, ушел бы из того ужасного, постыдного положения, в котором он находился, невольно участвуя во всех совершающихся преступлениях (по «закону») уже тем, что, будучи в состоянии прекратить их, он не прекращал их.

Тогда я еще ничего не понимал этого. Я только смутно чувствовал, что совершилось что-то такое, чего не должно быть, не может быть, и что это дело не случайное явление, а в глубокой связи со всеми другими заблуждениями и бедствиями человечества, и что оно-то и лежит в основе всех заблуждений и бедствий человечества.

Я смутно чувствовал еще тогда, что смертная казнь, сознательно рассчитанное, преднамеренное убийство, есть дело прямо противоположное тому закону христианскому, который мы будто бы исповедуем, и дело, явно нарушающее возможность и разумной жизни [и] какой бы то ни было нравственности, потому что ясно, что если один человек или собрание людей может решить, что необходимо убить одного или многих людей, то нет никакой причины, по какой другой человек или другие люди не найдут той же необходимости для убийства других людей. А какая же может быть разумная жизнь и нравственность среди людей, которые могут по

своим решениям убивать друг друга. Я смутно чувствовал тогда уже, что оправдание убийства церковью и наукою, вместо достижения своей цели: оправдания, напротив того, показывает лживость церкви и лживость науки. В первый раз я смутно почувствовал это в Париже, когда видел издали смертную казнь; яснее, гораздо яснее почувствовал это теперь, когда принимал участие в этом деле. Но мне всё еще было страшно верить себе и разойтись с суждениями всего мира. Только гораздо позднее я был приведен к необходимости веры себе и к отрицанию тех двух страшных обманов, держащих людей нашего времени в своей власти и производящих все те бедствия, от которых страдает человечество: обман церковный и обман научный.

Только гораздо позднее, когда уже я стал внимательно исследовать те доводы, которыми церковь и наука стараются поддерживать и оправдывать существование государства, я увидел те явные и грубые обманы, которыми и церковь и наука скрывают от людей злодеяния, совершаемые государством. Я увидел те рассуждения в катехизисах и научных книгах, распространяемых миллионами, которыми объясняется необходимость и законность убийства одних людей по воле других.

Так, в катехизисе, по случаю шестой заповеди – не убий – люди с первых же строк научаются убивать.

«В. Что запрещается в шестой заповеди?»

О. Убийство или отнятие жизни у ближнего каким бы то

ни было образом.

В. Всякое ли отнятие жизни есть законопреступное убийство?

О. Не есть незаконное убийство, когда отнимают жизнь *по должности*, как-то: 1) когда преступника *наказывают* по правосудию, 2) когда убивают неприятеля *на войне* за государя и отечество».

И дальше:

«В. Какие случаи относиться могут к законопреступному убийству?

О. Когда кто *укрывает или освобождает убийцу*».

В «научных» же сочинениях двух сортов: в сочинениях, называемых юриспруденцией с своим уголовным *правом*, и в сочинениях, называемых чисто научными, доказывається то же самое еще с большей ограниченностью и смелостью. Об уголовном праве нечего и говорить: оно всё есть ряд самых очевидных софизмов, имеющих целью оправдать всякое насилие человека над человеком и самое убийство. В научных же сочинениях, начиная с Дарвина, ставящего закон борьбы за существование в основу прогресса жизни, это самое подразумевается. Некоторые же *enfants terribles* этого учения, как знаменитый профессор Иенского университета Эрнст Геккель в своем знаменитом сочинении: «Естественная история миротворения», евангелии для неверующих, прямо высказывает это:

«Искусственный подбор оказывал весьма благоприятное

влияние на культурную жизнь человечества. Как велико в сложном ходе цивилизации, например, влияние хорошего школьного образования и воспитания. Как искусственный подбор, и смертная казнь оказывает такое же благотворное влияние, хотя в настоящее время многими горячо защищается, как «либеральная мера», отмена смертной казни, и во имя ложной гуманности приводится ряд вздорных аргументов. Однако на самом деле смертная казнь для громадного большинства неисправимых преступников и негодяев является не только справедливым возмездием для них, но и великим благодеянием для лучшей части человечества, подобно тому, как для успешного разведения хорошо культивируемого сада требуется истребить вредные сорные травы. И точно так же, как тщательное удаление зарослей принесет полевым растениям больше света, воздуха и места, неослабное истребление всех закоренелых преступников не только облегчит лучшей части человечества «борьбу за существование», но и произведет выгодный для него искусственный подбор, так как таким образом будет отнята у этих выродившихся отбросов человечества возможность наследственно передать человечеству их дурные качества».

И люди читают это, учат, называя это наукой, и никому в голову не приходит сделать естественно представляющийся вопрос о том, что если убивать дурных полезно, то кто решит: кто вредный. Я, например, считаю, что хуже и вреднее г-на Геккеля я не знаю никого. Неужели мне и людям одних

со мною убеждений приговорить г-на Геккеля к повешению? Напротив, чем грубее заблуждения г-на Геккеля, тем больше я желаю ему образумиться и ни в каком случае не хотел бы лишиться [его] этой возможности.

Вот эти-то лжи церкви и науки и довели нас теперь до того положения, в котором мы находимся. Уже не месяца, а годы проходят, во время которых нет ни одного дня без казней и убийств, и одни люди радуются, когда убийств правительственных больше, чем убийств революционных, другие же люди радуются, когда больше убито генералов, помещиков, купцов, полицейских. С одной стороны раздаются награды за убийства по 10 и по 25 рублей, с другой стороны революционеры чествуют убийц, экспроприаторов и восхваляют их, как великих подвижников. Вольным палачам платят по 50 рублей за казнь. Я знаю случай, когда к председателю суда, в котором к казни было приговорено 5 человек, пришел человек с просьбой передать ему дело исполнения казни, так как он возьмется сделать это дешевле: по 15 рублей с человека. Не знаю, согласилось ли, или не согласилось начальство на предложение.

Да, не бойтесь тех, кто губит тело, а тех, кто губит и тело и душу...

Всё это я понял гораздо позже, но смутно чувствовал уже тогда, когда так глупо и постыдно защищал этого несчастного солдата. От этого-то я и сказал, что случай этот имел на меня очень сильное и важное для моей жизни влияние.

Да, случай этот имел на меня огромное, самое благотворное влияние. На этом случае я первый раз почувствовал, первое – то, что каждое насилие для своего исполнения предполагает убийство или угрозу его и что поэтому всякое насилие неизбежно связано с убийством. Второе – то, что государственное устройство, немыслимое без убийств, несовместимо с христианством. И третье, что то, что у нас называется наукой, есть только такое же лживое оправдание существующего зла, каким было прежде церковное учение.

Теперь это для меня ясно, тогда же это было только смутное сознание той неправды, среди которой шла моя жизнь.

[ПО ПОВОДУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В. А. МОЛОЧНИКОВА]

Нравственный закон так ясен, что нельзя людям отговариваться незнанием закона. Им остается одно: отречься от разума; они это и делают.

7 мая 1908 года живущий в Новгороде знакомый мой Вл. Молочников, под тем предлогом, что в его доме были найдены книги моего сочинения, был схвачен, судим и приговорен в крепость на 12 месяцев. Узнав про это, я написал в газету «Русь» следующее заявление:¹⁸

---

¹⁸ Заявление это было напечатано с изменениями и исключениями.

Опять схвачен в Новгороде всеми знающими его уважаемый, небогатый человек Вл. Молочников и заперт людьми, называющими себя судом, на год в тюрьму, что наверное разоряет его семью. И всё это за то, что он держал у себя мои сочинения и давал их людям, желающим прочесть их. Опять и опять совершается это удивительное дело: мучают и разоряют людей, распространяющих мои книги, и оставляют в покое меня, главного виновника не только распространения, но и появления этих книг.

Ведь, казалось бы, ясно, что хватание людей, распространяющих мои книги, и сажание их по тюрьмам никак не может уменьшить, если он есть, интерес к моим книгам, так как книги, изданные в России и за границей, есть у меня в большом количестве, и я, составитель и главный распространитель этих книг, как я и заявлял об этом еще 15 лет тому назад, пока жив, не перестану составлять и распространять их. Людей же, считающих добрым делом распространение моих книг, становится всё больше и больше, и тем больше, чем больше их за это преследуют. И потому, казалось бы, ясно, что одно разумное средство прекратить то, что не нравится в моей деятельности, – это то, чтобы прекратить меня. Оставлять же меня и хватать и мучить распространителей не только возмутительно несправедливо, но еще и удивительно глупо.

Если же справедливо то, что придумал, как мне говорили, один министр для того, чтобы прекратить мою деятельность,

именно то, чтобы, мучая близких мне людей, заставить меня прекратить мою деятельность, то и этот прием никак не достигает цели. Не достигает потому, что как мне ни больны страдания моих друзей, я не могу, пока жив, прекратить эту мою деятельность; не могу потому, что, делая то, что делаю, я не ищу каких-либо внешних целей, а исполняю то, чего не могу не исполнять: требования воли бога, как я понимаю и не могу не понимать ее.

Так что одно не возмутительно несправедливое и не крайне глупое, что могут сделать люди, которым не нравятся мои книги, – это то, чтобы запереть, казнить, мучить не тех людей, которых много и которые всегда найдутся, а меня одного, виновника всего.

И пускай не думают, что, вследствие разговоров в газетах о каком-то моем юбилее, я воображаю себя обеспеченным от всякого рода насилий. Я в этом отношении никак не поддаюсь самообману и очень хорошо знаю, что все эти толки о необходимости празднования моего 80-летия при решительных против меня мерах правительства тотчас же заменятся для большинства моих чествователей признанием давнишней необходимости принятия против меня тех мер, которые принимаются против моих друзей. «И давно, мол, пора поступить так».

И потому опять и опять прошу и советую всем, кому неприятно распространение моих писаний, взяться за меня, а не за ни в чем неповинных людей. Советую потому, что

только этим путем они, кроме того, что перестанут ронять себя, делая явную несправедливость, и на деле достигнут своей цели освобождения себя хоть на время от одного из своих обличителей.

Кроме этого заявления, я, рассчитывая на то, что Молочников обжалует решение суда, просил двух знакомых адвокатов: Маклакова и Муравьева, взять на себя его защиту, что они мне и обещали, и просил о содействии в Сенате и знакомых мне сенаторов, и тоже мог надеяться на их содействие. Но Молочников, чтобы своим обращением к высшей инстанции не выразить признания права на насилие тех людей, которые совершили его над ним, отказался от всякого обжалования. Будучи же на некоторое время, вследствие внесенного за него друзьями залога, освобожден от немедленного заключения, он, устроив, как мог, свои расстроенные дела и положение остающейся без опоры семьи, обратился к участникам совершаемого над ним насилия с очень удивившей их просьбой – не откладывать задуманное над ним дело, а привести его скорее в исполнение. Участники ответили, что всё будет сделано в свое время и по таким-то статьям книжки, называемой ими законом. По статьям этой же книжки те, кого я просил об этом деле, сообщили мне, что, хотя весьма вероятно, что при пересмотре дела заключение Молочникова в тюрьму на 12 месяцев было бы сведено к одному, срок обжалования пропущен, и что поэтому предположенное над Молочниковым насилие произведено будет.

В одно и то же время с этим известием я получил и копию с приговора над Молочниковым собрания людей, называющих себя Судебной палатой. Вот этот приговор:

«1908 года, мая 7 дня. По указу его императорского величества. С.-Петербургская Судебная палата, по I Угол. д-ту, в судебном заседании, в котором присутствовали: старший председатель сенатор....., члены палаты:....., тов. прокурора..... и. об. пом. секретаря....., слушала: дело о старорусском мещанине Владимире Анфалове Молочникове, обв. по 2 ч. 132 ст. уг. ул. (Выпускаю имена лиц, участвовавших в этом деле, так как то, что я имею сказать, касается не личностей, о нравственном падении которых искренно сожалею и которых не желаю подвергнуть осуждению.)

Обвинительным актом прокурорского надзора старорусский мещанин Влад. Анф. Молочников предан суду С.-Петербургской Судебной палаты по обвинению в том, что в августе 1907 г., в целях распространения, хранил на квартире своей, в г. Новгороде, нижепоименованные брошюры Л. Н. Толстого, в которых, заведомо для подсудимого, изложены суждения, возбуждающие к неповиновению закону: 1) 62 экземпляра брошюры, под заглавием: «Как освободиться рабочему народу», в которой разъясняется, что трудящийся народ может только тогда хорошо устроить свою жизнь, если будет жить «по-божьи», то есть жить по евангельским заповедям: никого не убивать, не ссориться, не распутничать, не клясться, не присягать ни на суде, ни на подданство царю,

ни на солдатскую службу, не наказывать никого, не сажать в тюрьмы, не ссылать и не казнить, жить «по-божьи» – значит бояться и слушаться бога больше, чем исправника, губернатора, царя; когда исправник, губернатор, царь требует чего-нибудь, а бог запрещает, то слушаться не исправника, не губернатора, не царя, а бога; 2) 28 экземпляров брошюры, под заглавием: «Христианство и воинская повинность», в которой проводится мысль, что истинному учению Христа противоречит общая воинская повинность, как обезличивающая человека и заставляющая его делать то, что запрещает делать христианство – убивать людей в защиту государства. «Ведь стоит только человеку очнуться от гипноза подражательности, в котором он живет, и трезво взглянуть на то, что от него требует государство, чтобы не то, что отказаться от повиновения, а прийти в страшное удивление и негодование, что к нему могут обращаться с такими требованиями, и пробуждение это может совершиться каждую минуту»; 3) 15 экземпляров брошюры «Не убий», «Солдатская памятка», «Письмо к фельдфебелю», «Офицерская памятка» – в которой проводится мысль, что солдаты и офицеры должны отказаться от военной службы и не исполнять приказания начальства стрелять в народ, так как всякое убийство запрещено богом; 4) 10 экземпляров брошюры под заглавием: 1) «Приближение конца», 2) «Письмо к шведам», 3) «Карфаген должен быть разрушен», 4) «Письма крестьянина Олховика», в каковой брошюре проводится мысль, что война и

военная служба зло, не согласное с христианским учением, почему всякий здравомыслящий человек должен уклоняться от военной службы; 5) 6 экземпляров брошюры, под заглавием: «Одумайтесь», в которой, по поводу Русско-японской войны, говорится, что война ужасное дело, несогласное с разумом и христианским учением и что единственным средством уничтожения войн является пробуждение в каждом отдельном человеке сознания, что он не должен принимать участия в военной службе; 6) 6 экземпляров брошюры, под заглавием: «Письмо к либералам», в которой проводится мысль, что государственная жизнь есть насилие одних людей над другими и что поэтому люди, желающие жить согласно с разумом и христианством, должны уклоняться от служения государству, то есть не принимать участия в гражданской и военной службе; 7) 10 экземпляров брошюры, под заглавием: «Николай Палкин», в которой доказывается, что грешно и нехорошо подчиняться власти и принимать участие в государственной жизни, и что военная служба грех, и что каждый разумный человек должен отказаться служить в войсках и быть участником убийства.

В судебном заседании подсудимый Молочников объяснил, что все найденные у него издания графа Л. Н. Толстого куплены им в магазине как последователем теорий, проводимых Толстым. Содержание всех изданий ему было известно, и куплены им были в значительном количестве экземпляров для раздачи тем, кто пожелал бы их читать и ознакомиться

со взглядами Толстого. Считая обвинение доказанным собственным объяснением подсудимого, Судебная палата находит, что Молочников изобличается в совершении преступного деяния, предусмотренного 2 ч. 132 ст. Угол. улож., и признает, что определенное в этой статье наказание, заключение в крепость на срок не более трех лет, должно быть по обстоятельствам дела назначено Молочникову в размере одного года. В силу изложенного Судебная палата **ОПРЕДЕЛЯЕТ**: Старорусского мещанина Владимира Анфалова **МОЛОЧНИКОВА**, 37 лет, на основании 2 ч. 132 ст. Угол. улож., заключить в крепость на один год. Вещественные доказательства уничтожить».

Читая приговор этот, не веришь своим глазам: всё кажется, что это вымышленная злая пародия. Но нет, это одно из тех важных дел, которые за большое вознаграждение составляются важными господами, называемыми сенаторами, судьями, прокурорами и т. п., составляются и вносятся в архив для хранения на память вечного позора и людей, составляющих их, и всего того общества людей, в котором возможны такие дела.

Ведь если люди, писавшие этот приговор, желали прекратить распространение считаемых ими вредными книг, казалось бы, совершенно достаточно было сказать, что книги, найденные у Молочникова, вредны, так как направлены против существующего порядка, и потому должны быть запрещены, и составители и распространители их должны быть

наказаны. Но им мало было этого: им, очевидно, хотелось, воспользовавшись этим случаем, еще надругаться над всем тем, что всегда считалось и считается священным большинством человечества. И они смело и дерзко сделали это, с особым подчеркиванием выставляя свою полную независимость не только от справедливости, во имя которой они существуют, но и от всяких каких бы то ни было основ не только нравственных или религиозных, но и здравого смысла.

Безграмотный мужик может напиться, валяться в грязи, сквернословить, подраться, разбить скулы приятеля, побить жену, украсть лошадь, но не могу себе представить во всей России такого мужика, который не только в трезвом, но даже в пьяном виде решился бы сказать, что человек должен быть наказан за то, что он распространял книги, в которых сказано, что «трудящийся народ может только тогда хорошо устроить свою жизнь, если будет жить «по-божьи», то есть жить по евангельским заповедям: никого не убивать, не ссориться, не распутничать, не клясться», и что «жить по-божьи значит бояться и слушаться бога больше, чем исправника, губернатора, царя; когда исправник, губернатор, царь требует чего-нибудь, а бог запрещает, то слушаться не исправника, не губернатора, не царя, а бога», и что всякое убийство запрещено богом.

А между тем то, что человек, распространявший такие мысли, должен быть за это наказан – это написано, скреплено печатями, подписано сенатором и в заголовке упомянуто,

что всё это делается в 1908 году в России по указу его императорского величества.

Да, ничто убедительнее этого замечательного приговора не могло бы с такой ясной и полной убедительностью показать мыслящим людям всю не только беспринципность, жестокость, безнравственность существующего государственного устройства, но всю ужасающую глупость его. Люди, старающиеся защитить это государственное устройство, не стараются даже и притворяться в том, что они верят во что-нибудь, что они хотят хоть казаться добрыми, что они считают обязательным для человека здравый смысл. Нет, эти люди, стоящие на высших ступенях общественной лестницы, ничего из этого не считают для себя не только обязательным, но не считают и подобие этого желательным. Если предшественники их еще считали нужным притворяться, теперешние уже находят это совершенно излишним: они знают, что то устройство, которое они поддерживают и которое нужно для их удобства жизни (для получения жалованья), держится на обмане и насилии, не имеющих ничего общего ни с религией, ни с нравственностью, ни с здравым смыслом, и что все это очень хорошо знают и что поэтому совершенно излишне притворяться. Можно при случае (как это делается в этом приговоре) под веселый час даже посмеяться над всеми этими ненужными уже нам глупостями: о добре, нравственности, разуме.

Да, никогда ни одно из моих сочинений не показывало с

такой яркостью и убедительностью всю жестокость, развращенность и губительность для души человеческой того государственного насильнического устройства, в котором мы живем, и всю ту ужасающую степень нравственного упадка, до которой доведены люди, участвующие в этом устройстве, и тем больше, чем выше они стоят на общественной лестнице, – ни одно из моих сочинений не показывает этого с той яркостью и несомненной убедительностью, с которой показывает этот удивительный приговор. И потому, думая, что для мыслящего человека приговор этот имеет большое, раскрывающее глаза значение, считаю нужным его обнародовать.

Лев Толстой.

1908. 14 июня.

Первая страница первой рукописи «Не могу молчать»

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

I

«Семь смертных приговоров: два в Петербурге, один в Москве, два в Пензе, два в Риге. Четыре казни: две в Херсоне, одна в Вильне, одна в Одессе».

И это в каждой газете. И это продолжается не неделю, не месяц, не год, а годы. И происходит это в России, в той России, в которой народ считает всякого преступника несчастным и в которой до самого последнего времени по закону не было смертной казни.

Помню, как гордился я этим когда-то перед европейцами, и вот второй, третий год неперестающие казни, казни, казни.

Беру нынешнюю газету.

Нынче, 9 мая, что-то ужасное. В газете стоят короткие слова: «Сегодня в Херсоне на Стрельбицком поле казнены через повешение двадцать крестьян за разбойное нападение на усадьбу землевладельца в Елисаветградском уезде».¹⁹

---

¹⁹ В газетах появились потом опровержения известия о казни двадцати крестьян. Могу только радоваться этой ошибке: как тому, что задавлено на восемь человек меньше, чем было в первом известии, так и тому, что эта ужасная цифра заставила меня выразить в этих страницах то чувство, которое давно уже муча-

Двенадцать человек из тех самых людей, трудами которых мы живем, тех самых, которых мы всеми силами развращали и развращаем, начиная от яда водки и до той ужасной лжи веры, в которую мы не верим, но которую стараемся всеми силами внушить им, – двенадцать таких людей задушены веревками теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают и которые развращали и развращают их. Двенадцать мужей, отцов, сыновей, тех людей, на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь, схватили, посадили в тюрьмы, заковали в ножные кандалы. Потом связали им за спиной руки, чтобы они не могли хвататься за веревку, на которой их будут вешать, и привели под виселицы. Несколько таких же крестьян, как и те, которых будут вешать, только вооруженные и одетые в хорошие сапоги и чистые мундиры, с ружьями в руках, сопровождают приговоренных. Рядом с приговоренными, в парчовой ризе и в эпитрахили, с крестом в руке идет человек с длинными волосами. Шествие останавливается. Руководитель всего дела говорит что-то, секретарь читает бумагу, и когда бумага прочтена, человек, с длинными волосами, обращаясь к тем людям, которых другие люди собираются удушить веревками, говорит что-то о боге и Христе. Тотчас же после этих слов палачи, – их несколько, один не может

ет меня, и потому только, заменяя слово двадцать, словом двенадцать, оставляю без перемены всё то, что сказано здесь, так как сказанное относится не к одним двенадцати казненным, а ко всем тысячам, в последнее время убитым и задавленным людям.

управиться с таким сложным делом, – разведя мыло и намылив петли веревок, чтобы лучше затягивались, берутся за закованных, надевают на них саваны, взводят на помост с виселицами и накладывают на шеи веревочные петли.

И вот, один за другим, живые люди сталкиваются с выдернутых из-под их ног скамеек и своею тяжестью сразу затягивают на своей шее петли и мучительно задыхаются. За минуту еще перед этим живые люди превращаются в висящие на веревках мертвые тела, которые сначала медленно покачиваются, потом замирают в неподвижности.

Всё это для своих братьев людей старательно устроено и придумано людьми высшего сословия, людьми учеными, просвещенными. Придумано то, чтобы делать эти дела тайно, на заре, так, чтобы никто не видал их, придумано то, чтобы ответственность за эти злодеяния так бы распределялась между совершающими их людьми, чтобы каждый мог думать и сказать: не он виновник их. Придумано то, чтобы разыскивать самых развращенных и несчастных людей и, заставляя их делать дело, нами же придуманное и одобряемое, делать вид, что мы гнушаемся людьми, делающими это дело. Придумана даже такая тонкость, что приговаривают одни (военный суд), а присутствуют обязательно при казнях не военные, а гражданские. Исполняют же дело несчастные, обманутые, развращенные, презираемые, которым остается одно: как получше намылить веревки, чтобы они вернее затягивали шеи, и как бы получше напиться продаваемым этими же

просвещенными, высшими людьми яда, чтобы скорее и полнее забыть о своей душе, о своем человеческом звании.

Врач обходит тела, ощупывает и докладывает начальству, что дело совершено, как должно: все двенадцать человек несомненно мертвы. И начальство удаляется к своим обычным занятиям с сознанием добросовестно исполненного, хотя и тяжелого, но необходимого дела. Застывшие тела снимают и зарывают.

Ведь это ужасно!

И делается это не один раз и не над этими только 12-ю несчастными, обманутыми людьми из лучшего сословия русского народа, но делается это, не переставая, годами, над сотнями и тысячами таких же обманутых людей, обманутых теми самыми людьми, которые делают над ними эти страшные дела.

И делается не только это ужасное дело, но под тем же предлогом и с той же хладнокровной жестокостью совершаются еще самые разнообразные мучительства и насилия по тюрьмам, крепостям, каторгам.

Это ужасно, но ужаснее всего то, что делается это не по увлечению, чувству, заглушающему ум, как это делается в драке, на войне, в грабеже даже, а, напротив, по требованию ума, расчета, заглушающего чувство. Этим-то особенно ужасны эти дела. Ужасны тем, что ничто так ярко, как все эти дела, совершаемые от судьбы до палача, людьми, которые не хотят их делать, ничто так ярко и явно не показывает всю

губительность деспотизма для душ человеческих, власти одних людей над другими.

Возмутительно, когда один человек может отнять у другого его труд, деньги, корову, лошадь, может отнять даже его сына, дочь, – это возмутительно, но насколько возмутительнее то, что может один человек отнять у другого его душу, может заставить его сделать то, что губит его духовное «я», лишает его его духовного блага. А это самое делают те люди, которые устраивают всё это и спокойно, ради *блага людей*, заставляют людей, от судьи до палача, подкупами, угрозами, обманами совершать эти дела, наверное лишаящие их их истинного блага.

И в то время как всё это делается годами по всей России, главные виновники этих дел, те, по распоряжению которых это делается, те, кто мог бы остановить эти дела, – главные виновники этих дел в полной уверенности того, что эти дела – дела полезные и даже необходимые, – или придумывают и говорят речи о том, как надо мешать финляндцам жить так, как хотят этого финляндцы, а непременно заставить их жить так. как хотят этого несколько человек русских, или издают приказы о том, как в «армейских гусарских полках обшлага рукавов и воротники доломанов должны быть по цвету последних, а ментики, кому таковые присвоены, без выпушки вокруг рукавов над мехом».

Да, это ужасно!

II

Ужаснее же всего в этом то, что все эти бесчеловечные насилия и убийства, кроме того прямого зла, которое они причиняют жертвам насилий и их семьям, причиняют еще большее, величайшее зло всему народу, разнося быстро распространяющееся, как пожар по сухой соломе, развращение всех сословий русского народа. Распространяется же это развращение особенно быстро среди простого, рабочего народа потому, что все эти преступления, превышающие в сотни раз всё то, что делалось и делается простыми ворами и разбойниками и всеми революционерами вместе, совершаются под видом чего-то нужного, хорошего, необходимого, не только оправдываемого, но поддерживаемого разными, нераздельными в понятиях народа с справедливостью и даже святостью учреждениями: сенат, синод, дума, церковь, царь.

И распространяется это развращение с необычайной быстротой.

Недавно еще не могли найти во всем русском народе двух палачей. Еще недавно, в 80-х годах, был только один палач во всей России. Помню, как тогда Соловьев Владимир с радостью рассказывал мне, как не могли по всей России найти другого палача, и одного возили с места на место. Теперь не то.

В Москве торговец-лавочник, расстроив свои дела, пред-

ложил свои услуги для исполнения убийств, совершаемых правительством, и, получая по 100 рублей с повешенного, в короткое время так поправил свои дела, что скоро перестал нуждаться в этом побочном промысле, и теперь ведет попрежнему торговлю.

В Орле в прошлых месяцах, как и везде, понадобился палач, и тотчас же нашелся человек, который согласился исполнять это дело, срядившись с заведующим правительственными убийствами за 50 рублей с человека. Но, узнав уже после того, как он срядился в цене, о том, что в других местах платят дороже, добровольный палач во время совершения казни, надев на убиваемого саван-мешок, вместо того чтобы вести его на помост, остановился и, подойдя к начальнику, сказал: «Прибавьте, ваше превосходительство, четвертной билет, а то не стану». Ему прибавили, и он исполнил.

Следующая казнь предстояла пятерым. Накануне казни к распорядителю правительственных убийств пришел неизвестный человек, желающий переговорить по тайному делу. Распорядитель вышел. Неизвестный человек сказал:

«Надысь какой-то с вас три четвертных взял за одного. Нынче, слышно, пятеро назначены. Прикажите всех за мной оставить, я по пятнадцати целковых возьму, и, будьте покойны, сделаю, как должно».

Не знаю, принято ли было, или нет предложение, но знаю, что предложение было.

Так действуют эти совершаемые правительством преступления на худших, наименее нравственных людей народа. Но ужасные дела эти не могут оставаться без влияния и на большинство средних, в нравственном отношении, людей. Не переставая слыша и читая о самых ужасных, бесчеловечных зверствах, совершаемых властями, то есть людьми, которых народ привык почитать как лучших людей, – большинство средних, особенно молодых, занятых своими личными делами людей, невольно, вместо того чтобы понять то, что люди, совершающие гадкие дела, недостойны почтения, делают обратное рассуждение: если почитаемые всеми люди, рассуждают они, делают кажущиеся нам гадкие дела, то, вероятно, дела эти не так гадки, как они нам кажутся.

О казнях, повешениях, убийствах, бомбах пишут и говорят теперь, как прежде говорили о погоде. Дети играют в повешение. Почти дети, гимназисты идут с готовностью убить на экспроприации, как прежде шли на охоту. Перебить крупных землевладельцев для того, чтобы завладеть их землями, представляется теперь многим людям самым верным разрешением земельного вопроса.

Вообще благодаря деятельности правительства, допускающего возможность убийства для достижения своих целей, всякое преступление: грабеж, воровство, ложь, мучительства, убийства считаются несчастными людьми, подвергшимися развращению правительства, делами самыми естественными, свойственными человеку.

Да, как ни ужасны самые дела, нравственное, духовное, невидимое зло, производимое ими, без сравнения еще ужаснее.

III

Вы говорите, что вы совершаете все эти ужасы для того, чтобы водворить спокойствие, порядок.

Вы водворяете спокойствие и порядок!

Чем же вы его водворяете? Тем, что вы, представители христианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными служителями, разрушаете в людях последние остатки веры и нравственности, совершая величайшие преступления: ложь, предательство, всякого рода мучительство и – последнее самое ужасное преступление, самое противное всякому не вполне развращенному сердцу человеческому: не убийство, не одно убийство, а убийства, бесконечные убийства, которые вы думаете оправдать разными глупыми ссылками на такие-то статьи, написанные вами же в ваших глупых и лживых книгах, кощунственно называемые вами законами.

Вы говорите, что это единственное средство успокоения народа и погашения революции, но ведь это явная неправда. Очевидно, что, не удовлетворяя требованиям самой первобытной справедливости всего русского земледельческого народа: уничтожения земельной собственности, а напро-

тив, утверждая ее и всячески раздражая народ и тех легкомысленных озлобленных людей, которые начали насильническую борьбу с вами, вы не можете успокоить людей, мучая их, терзая, ссылая, заточая, вешая детей и женщин. Ведь как вы ни стараетесь заглушить в себе свойственные людям разум и любовь, они есть в вас, и стоит вам опомниться и подумать, чтобы увидеть, что, поступая так, как вы поступаете, то есть участвуя в этих ужасных преступлениях, вы не только не излечиваете болезнь, а только усиливаете ее, загоняя внутрь.

Ведь это слишком ясно.

Причина совершающегося никак не в материальных событиях, а всё дело в духовном настроении народа, которое изменилось и которое никакими усилиями нельзя вернуть к прежнему состоянию, – так же нельзя вернуть, как нельзя взрослого сделать опять ребенком. Общественное раздражение или спокойствие никак не может зависеть от того, что будет жив или повешен Петров или что Иванов будет жить не в Тамбове, а в Нерчинске, на каторге. Общественное раздражение или спокойствие может зависеть только от того, как не только Петров или Иванов, но всё огромное большинство людей будет смотреть на свое положение, от того, как большинство это будет относиться к власти, к земельной собственности, к проповедуемой вере, – от того, в чем большинство это будет полагать добро и в чем зло. Сила событий никак не в материальных условиях жизни, а в духовном настро-

ении народа. Если бы вы убили и замучили хотя бы и десятую часть всего русского народа, духовное состояние остальных не станет таким, какого вы желаете.

Так что всё, что вы делаете теперь, с вашими обысками, шпионствами, изгнаниями, тюрьмами, каторгами, виселицами – всё это не только не приводит народ в то состояние, в которое вы хотите привести его, а, напротив, увеличивает раздражение и уничтожает всякую возможность успокоения.

«Но что же делать, говорите вы, что делать, чтобы теперь успокоить народ? Как прекратить те злодеяния, которые совершаются?»

Ответ самый простой: *перестать делать то, что вы делаете.*

Если бы никто не знал, что нужно делать для того, чтобы успокоить «народ» – весь народ (многие же очень хорошо знают, что нужнее всего для успокоения русского народа: нужно освобождение земли от собственности, как было нужно 50 лет тому назад освобождение от крепостного права), если бы никто и не знал, что нужно теперь для успокоения народа, то все-таки очевидно, что для успокоения народа наверное *не нужно делать того*, что только увеличивает его раздражение. А вы именно это только и делаете.

То, что вы делаете, вы делаете не для народа, а для себя, для того, чтобы удержать то, по заблуждению вашему считаемое вами выгодным, а в сущности самое жалкое и гадкое положение, которое вы занимаете. Так и не говорите, что то,

что вы делаете, вы делаете для народа: это неправда. Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных, личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете и которое вам кажется благом.

Но сколько вы ни говорите о том, что всё, что вы делаете, вы делаете для блага народа, люди всё больше и больше понимают вас и всё больше и больше презирают вас, и на ваши меры подавления и пресечения всё больше и больше смотрят не так, как бы вы хотели: как на действия какого-то высшего собирательного лица, правительства, а как на личные дурные дела отдельных недобрых себялюбцев.

IV

Вы говорите: «Начали не мы, а революционеры, а ужасные злодеяния революционеров могут быть подавлены только твердыми (вы так называете ваши злодеяния), твердыми мерами правительства».

Вы говорите, что совершаемые революционерами злодеяния ужасны.

Я не спорю и прибавлю к этому еще и то, что дела их, кроме того, что ужасны, еще так же глупы и так же бьют мимо цели, как и ваши дела. Но как ни ужасны и ни глупы их дела: все эти бомбы и подкопы, и все эти отвратительные убийства

и грабежи денег, все эти дела далеко не достигают преступности и глупости дел, совершаемых вами.

Они делают совершенно то же, что и вы, и по тем же побудительным причинам. Они так же, как и вы, находятся под тем же (я бы сказал комическим, если бы последствия его не были так ужасны) заблуждением, что одни люди, составив себе план о том, какое, по их мнению, желательно и должно быть устройство общества, имеют право и возможность устраивать по этому плану жизнь других людей. Одинаково заблуждение, одинаковы и средства достижения воображаемой цели. Средства эти – насилие всякого рода, доходящее до смертоубийства. Одинаково и оправдание в совершаемых злодеяниях. Оправдание в том, что дурное дело, совершаемое для блага многих, перестает быть безнравственным, и что потому можно, не нарушая нравственного закона, лгать, грабить, убивать, когда это ведет к осуществлению того предполагаемого благого состояния для многих, которое мы воображаем, что знаем, и можем предвидеть, и которое хотим устроить.

Вы, правительственные люди, называете дела революционеров злодействами и великими преступлениями, но они ничего не делали и не делают такого, чего бы вы не делали, и не делали в несравненно большей степени. Так что, употребляя те безнравственные средства, которые вы употребляете для достижения своих целей, вам-то уж никак нельзя упрекать революционеров. Они делают только то же самое, что

и вы: вы держите шпионов, обманываете, распространяете ложь в печати, и они делают то же; вы отбираете собственность людей посредством всякого рода насилия и по-своему распоряжаетесь ею, и они делают то же самое; вы казните тех, кого считаете вредными, – они делают то же. Всё, что вы только можете привести в свое оправдание, они точно так же приведут в свое, не говоря уже о том, что вы делаете много такого дурного, чего они не делают: растрату народных богатств, приготовления к войнам и самые войны, покорение и угнетение чужих народностей и многое другое.

Вы говорите, что у вас есть предания старины, которые вы блюдете, есть образцы деятельности великих людей прошлого. У них тоже предания, которые ведутся тоже издавна, еще раньше большой французской революции, а великих людей, образцов для подражания, мучеников, погибших за истину и свободу, не меньше, чем у вас.

Так что, если есть разница между вами и ими, то только в том, что вы хотите, чтобы всё оставалось, как было и есть, а они хотят перемены. А думая, что нельзя всему всегда оставаться попрежнему, они были бы правее вас, если бы у них не было того же, взятого от вас, странного и губительного заблуждения в том, что одни люди могут знать ту форму жизни, которая свойственна в будущем всем людям, и что эту форму можно установить насильем. Во всем же остальном они делают только то самое, что вы делаете, и теми же самыми средствами. Они вполне ваши ученики, они, как говорит-

ся, все ваши капельки подобрали, они не только ваши ученики, они – ваше произведение, они ваши дети. Не будь вас – не было бы их, так что, когда вы силою хотите подавить их, вы делаете то, что делает человек, налегающий всею силою на дверь, отворяющуюся на него.

Если есть разница между вами и ими, то никак не в вашу, а в их пользу. Смягчающие для них обстоятельства, во-первых, в том, что их злодейства совершаются при условии большей личной опасности, чем та, которой вы подвергаетесь, а риск, опасность оправдывают многое в глазах увлекающейся молодежи. Во-вторых, в том, что они в огромном большинстве – совсем молодые люди, которым свойственно заблуждаться, вы же – большею частью люди зрелые, старые, которым свойственно разумное спокойствие и снисхождение к заблуждающимся. В-третьих, смягчающие обстоятельства в их пользу еще в том, что как ни гадки их убийства, они все-таки не так холодно-систематически жестоки, как ваши Шлиссельбурги, каторги, виселицы, расстрелы. Четвертое смягчающее вину обстоятельство для революционеров в том, что все они совершенно определенно отвергают всякое религиозное учение, считают, что цель оправдывает средства, и потому поступают совершенно последовательно, убивая одного или нескольких для воображаемого блага многих. Тогда как вы, правительственные люди, начиная от низших палачей и до высших распорядителей их, вы все стоите за религию, за христианство, ни в каком случае несовме-

стимое с совершаемыми вами делами.

И вы-то, люди старые, руководители других людей, исповедующие христианство, вы говорите, как подравшиеся дети, когда их бранят за то, что они дерутся: «Не мы начали, а они», и лучше этого ничего не умеете, не можете сказать вы, люди, взявшие на себя роль правителей народа. И какие же вы люди? Люди, признающие богом того, кто самым определенным образом запретил не только всякое убийство, но всякий гнев на брата, который запретил не только суд и наказание, но осуждение брата, который в самых определенных выражениях отменил всякое наказание, признал неизбежность всегдашнего прощения, сколько бы раз ни повторилось преступление, который велел ударившему в одну щеку подставлять другую, а не воздавать злом за зло, который так просто, так ясно показал рассказом о приговоренной к побитию камнями женщине невозможность осуждения и наказания одними людьми других, вы – люди, признающие этого учителя богом, ничего другого не можете найти сказать в свое оправдание, кроме того, что «они начали, они убивают – давайте и мы будем убивать их».

V

Знакомый мне живописец задумал картину «Смертная казнь», и ему нужно было для натуры лицо палача. Он узнал, что в то время в Москве дело палача исполнял сторож-двор-

ник. Художник пошел на дом к сторожу. Это было на святой. Семейные разряженные сидели за чайным столом, хозяина не было: как потом оказалось, он спрятался, увидев незнакомца. Жена тоже смутилась и сказала, что мужа нет дома, но ребенок-девочка выдала его.

Она сказала: «батя на чердаке». Она еще не знала, что ее отец знает, что он делает дурное дело и что ему поэтому надо бояться всех. Художник объяснил хозяйке, что нужен ему ее муж для «натуры», для того, чтобы списать с него портрет, так как лицо его подходит к задуманной картине. (Художник, разумеется, не сказал для какой картины ему нужно лицо дворника.) Разговорившись с хозяйкой, художник предложил ей, чтобы задобрить ее, взять к себе на выучку мальчика-сына. Предложение это, очевидно, подкупило хозяйку. Она вышла, и через несколько времени вошел и глядящий исподлобья хозяин, мрачный, беспокойный и испуганный, он долго выпытывал художника, зачем и почему ему нужен именно он. Когда художник сказал ему, что он встретил его на улице и лицо его показалось ему подходящим к картине, дворник спрашивал, где он его видел? в какой час? в какой одежде? И, очевидно, боясь и подозревая худое, отказался от всего.

Да, этот непосредственный палач знает, что он палач и что то, что он делает, – дурно, и что его ненавидят за то, что он делает, и он боится людей, и я думаю, что это сознание и страх перед людьми выкупают хоть часть его вины.

Все же вы, от секретарей суда до главного министра и царя, посредственные участники ежедневно совершаемых злодеяний, вы как будто не чувствуете своей вины и не испытываете того чувства стыда, которое должно бы вызывать в вас участие в совершаемых ужасах. Правда, вы так же опасаетесь людей, как и палач, и опасаетесь тем больше, чем больше ваша ответственность за совершаемые преступления: прокурор опасается больше секретаря, председатель суда больше прокурора, генерал-губернатор больше председателя, председатель совета министров еще больше, царь больше всех. Все вы боитесь, но не оттого, что, как тот палач, вы знаете, что вы поступаете дурно, а вы боитесь оттого, что вам кажется, что люди поступают дурно.

И потому я думаю, что как ни низко пал этот несчастный дворник, он нравственно все-таки стоит несравненно выше вас, участников и отчасти виновников этих ужасных преступлений, — людей, осуждающих других, а не себя, и высоко носящих голову.

VI

Знаю я, что все люди — люди, что все мы слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго боролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти

люди. Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством.

А не могу и не хочу, во-первых, потому, что людям этим, не видящим всей своей преступности, необходимо обличение, необходимо и для них самих, и для той толпы людей, которая под влиянием внешнего почета и восхваления этих людей одобряет их ужасные дела и даже старается подражать им. Во-вторых, не могу и не хочу больше бороться потому, что (откровенно признаюсь в этом) надеюсь, что мое обличение этих людей вызовет желательное мне извержение меня тем или иным путем из того круга людей, среди которого я живу и в котором я не могу не чувствовать себя участником совершаемых вокруг меня преступлений.

Ведь всё, что делается теперь в России, делается во имя общего блага, во имя обеспечения и спокойствия жизни людей, живущих в России. А если это так, то всё это делается и для меня, живущего в России. Для меня, стало быть, и нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого – пользования той землей, на которой он родился; для меня эти полмиллиона оторванных от доброй жизни мужиков, одетых в мундиры и обучаемых убийству, для меня это лживое так называемое духовенство, на главной обязанности которого лежит извращение и скрывание истинного христианства. Для меня все эти высылки людей из места в место, для меня эти сотни тысяч голодных, блуждающих по России рабочих, для меня эти сотни тысяч несчаст-

ных, мрущих от тифа, от цынги в недостающих для всех крепостях и тюрьмах. Для меня страдания матерей, жен, отцов изгнанных, запертых, повешенных. Для меня эти шпионы, подкупы, для меня эти убивающие городовые, получающие награду за убийство. Для меня закапывание десятков, сотен расстреливаемых, для меня эта ужасная работа трудно добываемых, но теперь уже не так гнушающихся этим делом людей-палачей. Для меня эти виселицы с висящими на них женщинами и детьми, мужиками; для меня это страшное озлобление людей друг против друга.

И как ни странно утверждение о том, что всё это делается для меня и что я участник этих страшных дел, я все-таки не могу не чувствовать, что есть несомненная зависимость между моей просторной комнатой, моим обедом, моей одеждой, моим досугом и теми страшными преступлениями, которые совершаются для устранения тех, кто желал бы отнять у меня то, чем я пользуюсь. Хотя я и знаю, что все те бездомные, озлобленные, развращенные люди, которые бы отняли у меня то, чем я пользуюсь, если бы не было угроз правительства, произведены этим самым правительством, я все-таки не могу не чувствовать, что сейчас мое спокойствие действительно обусловлено всеми теми ужасами, которые совершаются теперь правительством.

А сознавая это, я не могу долее переносить этого, не могу и должен освободиться от этого мучительного положения.

Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не

могу и не буду.

Затем я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее, чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами, чтобы или посадили меня в тюрьму, где бы я ясно сознавал, что не для меня уже делаются все эти ужасы, или же, что было бы лучше всего (так хорошо, что я и не смею мечтать о таком счастье), надели на меня, так же как на тех двадцать или двенадцать крестьян, саван, колпак и так же столкнули с скамейки, чтобы я своей тяжестью затянул на своем старом горле намыленную петлю.

VII

И вот для того, чтобы достигнуть одной из этих двух целей, обращаюсь ко всем участникам этих страшных дел, обращаюсь ко всем, начиная с надевающих на людей-братьев, на женщин, на детей колпаки и петли, от тюремных смотрителей и до вас, главных распорядителей и разрешителей этих ужасных преступлений.

Люди-братья! Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что вы делаете. Вспомните, кто вы.

Ведь вы прежде, чем быть палачами, генералами, прокурорами, судьями, премьерами, царями, прежде всего вы люди. Нынче выглянули на свет божий, завтра вас не будет. (Вам-то, палачам всякого разряда, вызывавшим и вызываю-

щим к себе особенную ненависть, вам-то особенно надо помнить это.) Неужели вам, выглянувшим на этот один короткий миг на свет божий – ведь смерть, если вас и не убьют, всегда у всех нас за плечами, – неужели вам не видно в ваши светлые минуты, что ваше призвание в жизни не может быть в том, чтобы мучить, убивать людей, самим дрожать от страха быть убитыми, и лгать перед собою, перед людьми и перед богом, уверяя себя и людей, что, принимая участие в этих делах, вы делаете важное, великое дело для блага миллионов? Неужели вы сами не знаете, – когда не опьянены обстановкой, лестью и привычными софизмами, – что всё это – слова, придуманные только для того, чтобы, делая самые дурные дела, можно было бы считать себя хорошим человеком? Вы не можете не знать того, что у вас, так же как у каждого из нас, есть только одно настоящее дело, включающее в себя все остальные дела, – то, чтобы прожить этот короткий промежуток данного нам времени в согласии с той волей, которая послала нас в этот мир, и в согласии с ней уйти из него. Воля же эта хочет только одного: любви людей к людям.

Вы же, что вы делаете? На что кладете свои душевные силы? Кого любите? Кто вас любит? Ваша жена? Ваш ребенок? Но ведь это не любовь. Любовь жены, детей – это не человеческая любовь. Так, и сильнее, любят животные. Человеческая любовь – это любовь человека к человеку, ко всякому человеку, как к сыну божию и потому брату.

Кого же вы так любите? Никого. А кто вас любит? Никто.

Вас боятся, как боятся ката-палача или дикого зверя. Вам льстят, потому что в душе презирают вас и ненавидят – и как ненавидят! И вы это знаете и боитесь людей.

Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете. Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас.

31 мая 1908 г.

Ясная Поляна.

УЧЕНИЕ ХРИСТА, ИЗЛОЖЕННОЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В прошлом году у меня образовалась маленькая школа из крестьянских детей от десяти до тринадцати лет. Желая передать им учение Христа так, чтобы оно было понятно им и имело бы влияние на их жизнь, я рассказывал им своими словами те места из четырех евангелий, которые казались мне самыми понятными, доступными детям и, вместе с тем, самыми нужными для нравственного руководства в жизни.

Чем дальше я занимался этим, тем яснее мне становилось

– и из пересказов детей, и из вопросов их – всё то, что легче воспринималось ими и что более привлекало их.

Руководствуясь этим, я и составил эту книжечку. Думаю, что чтение ее по главам, сопровождаемое вызываемыми этим чтением объяснениями о необходимости приложения в жизни вечных истин этого учения, не может не быть благотворно для детей, по словам Христа, особенно восприимчивых к учению о царстве божием.

Лев Толстой.

12 июня 1908 г.

УЧЕНИЕ ХРИСТА

1

Иисус Христос своим учением и жизнью открыл людям то, что дух божий живет в каждом человеке.

По учению Иисуса Христа, все бедствия людей оттого, что они жизнь свою полагают в теле своем, а не в духе божьем. От этого они враждуют друг с другом, от этого мучаются душой, от этого боятся смерти.

Дух божий – это любовь. И любовь живет в душе каждого человека.

Полагай люди жизнь свою в духе божьем – в любви, и не будет ни вражды, ни душевных мучений, ни страха смерти.

Все люди желают себе добра. Учение Христа открывает

людям то, что добро это дано им любовью и что все люди могут иметь это благо. От этого и учение Христа называется евангелием.

Ев – значит благое, *ангелион* – значит весть, – благая весть. (Первое послание Иоанна 4, 7, 12, 16).

Вопросы: 1) Что открыл людям Иисус Христос? 2) Что бывает от того, если люди полагают жизнь в теле? 3) Что такое дух божий в человеке? 4) Что будет от того, что люди будут полагать жизнь в духе?

2

Иисус родился 1908 лет тому назад от Марии, жены Иосифа. До 30 лет Иисус жил в городе Назарете с матерью, отцом и братьями, и когда возрос, помогал отцу в его плотничной работе.

Когда Иисусу было уже 30 лет, он услышал, что народ ходит слушать проповеди святого пустытника. Пустытника этого звали Иоанн. И Иисус вместе с народом пошел в пустыню, чтобы послушать проповедь Иоанна. Иоанн говорил, что пришло время царства божия, такое время, когда все люди будут понимать, что они все равны, что нет ни высшего, ни низшего и что все должны жить в любви и согласии друг с другом. Он говорил, что время это близко, но наступит совсем только тогда, когда люди перестанут делать неправду.

Когда простые люди спрашивали Иоанна: что мне делать? – он говорил, что тому, у кого две одежды, надо одну

отдавать нищему; также тому, у кого есть пища, делиться с тем, у кого ее нет. Богатым же людям Иоанн говорил, чтобы они не обирали народ. Солдатам говорил, чтобы они не разбойничали, были довольны тем, что получают, и не сквернословили. Фарисеям и саддукеям, законникам говорил, чтобы они переменили свою жизнь и покаялись. – Не думайте, говорил он им, что вы особенные люди. Перемените свою жизнь, и перемените так, чтобы по делам вашим видно было, что вы переменились. А если не переменитесь, то не миновать вам того, что бывает с плодовым деревом, когда оно не приносит плода. Если дерево не приносит плода, его срубают на дрова; то же будет и с вами, если не будете делать добрых дел. Если не перемените своей жизни, все пропадете.

Всех людей Иоанн уговаривал быть милосердными, справедливыми, кроткими. И тех, кто обещался исправить свою жизнь, Иоанн, в знак перемены их жизни, купал в реке Иордане. И когда он купал их, он говорил: – Я очищаю вас в воде, но совсем очистить вас может только дух божий в вас самих.

И слова Иоанна о том, что людям надо переменить свою жизнь для того, чтобы наступило царство божие, и что очиститься люди могут только духом божьим, слова эти запали в сердце Иисуса. И чтобы обдумать всё то, что он услышал от Иоанна, Иисус не вернулся домой, а остался в пустыне. И прожил так много дней, раздумывая о том, что он слышал от Иоанна.

(Мф. 1, 18; Лк. 2, 51; 3, 23; Мф. 3, 1—13; Лк. 3, 3—14;

Мф. 4, 1—2).

Вопросы: 1) Где и в какой семье родился Иисус? 2) Что проповедывал Иоанн народу, богатым людям, солдатам, фарисеям и саддукеям? 3) Как Иисус слушал проповедь Иоанна, и какие слова запали ему в душу? 4) Куда он пошел после того, как слышал Иоанна?

3

Иоанн говорил, что для того, чтобы пришло царство божие, людям надо очиститься духом божьим.

Что же значит очиститься духом божьим? думал Иисус. Если очиститься духом значит жить не для своего тела, а для духа божьего, думал Иисус, то действительно пришло бы царство божие, если бы люди жили духом Божиим; потому что дух Божий один и тот же во всех людях. И живи все люди духом, все люди были бы едины, и пришло бы царство божие. Но люди не могут жить только духом, люди должны жить и телом. Если же они будут жить телом, служить телу, заботиться о нем, то будут жить все врозь, будут жить так, как живут теперь, и никогда не придет царство божие. Как же быть? — думал Иисус. Жить одним духом нельзя, а жить телом, как теперь живут мирские люди, дурно, и если жить так, то все будут жить врозь и никогда не придет царство божие. Как же быть? Убить себя в своем теле, подумал Иисус, нельзя, потому что дух живет в теле по воле бога. Убить себя, значит идти против воли бога.

И раздумав так, Иисус сказал себе: выходит так, что нельзя жить одним духом, потому что дух живет в теле. Нельзя тоже жить одним телом, служить телу, как живут все люди. Нельзя также и освободиться от тела, убить себя, потому что дух живет в теле по воле бога. Что же можно? Можно одно: жить в теле, как того хочет бог, но, живя в теле, служить не телу, а богу.

И, рассудив так, Иисус вышел из пустыни и пошел по городам и селам проповедывать свое учение.

(Мф. 4, 3—10; Лк. 4, 3—15).

Вопросы: 1) Что думал Иисус после проповеди Иоанна? 2) Что бы было, если бы люди жили одним духом? 3) Что бывает от того, что каждый человек живет для своего тела? 4) Почему нельзя избавиться от тела? 5) Как же надо жить?

4

И разнеслась молва об Иисусе по округе, и много народу стало ходить за ним и слушать его.

И он говорил народу: – Вот вы ходили слушать Иоанна в пустыню, зачем вы ходили к нему? Ходят смотреть людей в богатых одеждах, но те живут во дворцах, а в пустыне ничего этого не было. Зачем же вы ходили к Иоанну в пустыню? Вы ходили слушать того, кто учил вас доброй жизни. Как же он учил вас? Он учил вас тому, что должно прийти царство божие, но что для того, чтобы оно пришло, чтобы не было зла в мире, нужно, чтобы все люди жили не врозь, каждый

для себя, а все были едино, все любили друг друга. Так для того, чтобы пришло царство божие, вам прежде всего надо изменить жизнь свою. Царство божие придет не само собою, не бог устроит это царство, а вы сами должны и можете установить это царство божие, а установите вы его тогда, когда постараетесь изменить жизнь свою.

Не думайте, что царство божие явится видимым образом. Царство божие нельзя видеть. И если вам скажут: оно здесь или там, – не верьте этому и не ходите. Царство божие не во времени или месте каком-нибудь. Оно везде и нигде, потому что оно внутри вас, в вашей душе.

(Мф. 11, 7—12; Лк. 16, 16; 17, 20—24).

Вопросы: 1) Что говорил Иисус об учении Иоанна? 2) Что нужно, чтобы наступило царство божие? 3) Где царство божие?

5

И всё яснее и яснее толковал Иисус свое учение. И один раз, когда собралось к нему много народа, он стал говорить народу о том, как надо жить людям для того, чтобы пришло царство божие.

Он говорил: – Царство божие совсем другое, чем царства мирские. В царство божие войдут не гордые, не богатые. Гордые и богатые царствуют теперь. Они теперь веселятся и теперь их все хвалят и уважают. Но куда они будут гордыми и богатыми и в душе их не будет царства божия, не войдут

они в царство божие. Войдут в царство божие не гордые, а смиренные, не богатые, а нищие. Но войдут в царство бога смиренные и нищие только тогда, когда они будут смиренными и нищими не оттого, что они не сумели сделаться славными и богатыми, а оттого, что не хотели грешить, чтобы стать знатными и богатыми. Если же вы нищие только оттого, что не сумели разбогатеть, то вы как соль несоленая. Соль нужна только тогда, когда она солонa; если же она не солонa, то она ни на что уже не годится, и ее выбрасывают.

Так и вы, – если вы нищие только оттого, что не сумели разбогатеть, то и вы никуда не годитесь – ни в бедные, ни в богатые.

И потому прежде всего одно на свете нужно: это быть в царстве божием. Ищите царства божия и правды его, и всё, что вам нужно, будет у вас.

И не думайте, что я учу чему-нибудь новому; я учу тому же, чему учили вас все мудрецы и святые люди. Я учу только тому, как исполнять то, чему они учили. А чтобы исполнять то чему они учили, надо соблюдать заповеди божьи, – не говорить только про них, как говорят ложные учителя, а исполнять их. Потому что только тот, кто исполняет заповеди божьи и примером своим научает и других исполнять их, только тот войдет в царство небесное.

(Мф. 5, 1—20; Лк. 6, 20—26).

Вопросы: 1) Чем отличается царство божие от царств мирских? 2) Какими должны быть люди, чтобы войти в царство

божие? 3) Чему учил Иисус?

6

И Иисус сказал:

Первая заповедь в том, что *в старом законе* сказано: не убий. И что грешен тот, кто убивает.

А я говорю вам, что если человек сердится на брата, то он уже грешен перед богом; еще больше грешен, если он сказал брату грубое, ругательное слово. Так что если станешь молиться и вспомнишь, что ты сердишься на брата, то, прежде чем молиться, поди и помирись с ним, и если нельзя тебе почему-нибудь сделать это, то в душе своей затуши злобу против брата.

Это одна заповедь.

Другая заповедь в том, что *в старом законе* сказано: не прелюбодействуй, а если разошелся с женою, то дай ей разводную.

А я говорю вам, что не только не должен человек прелюбодействовать, но если он смотрит на женщину с дурными мыслями, то он уже грешен перед богом. О разводе же говорю вам: что кто разведется с женою, тот сам прелюбодействует и жену вводит в прелюбодеяние, вводит в грех и того, кто женится на разведенной.

Это вторая заповедь.

Третья заповедь в том, что *в старом законе* вашем сказано: не преступай клятвы, но исполняй перед богом клятвы

твои.

А я говорю вам, что клясться совсем не надо, а что если спрашивают тебя о чем-нибудь, то говори: да, если да; и нет, если нет. Клясться же ничем нельзя. Человек весь во власти бога, и потому он не может вперед обещаться, что сделает то, в чем поклянется.

В этом третья заповедь.

Четвертая заповедь в том, что *в старом законе* сказано: око за око и зуб за зуб.

А я говорю вам, что не надо платить злом за зло, и око за око, и зуб за зуб. И если кто ударит тебя в одну щеку, лучше подставить другую щеку, чем за удар отвечать ударом. И кто захочет взять у тебя рубашку, то лучше отдать и кафтан, чем враждовать и драться с братом. Не надо злом противиться злу.

В этом четвертая заповедь.

Пятая заповедь в том, что *в старом законе* вашем сказано: люби человека своего народа, а ненавидь людей чужих народов.

А я говорю вам, что надо любить всех людей. Если люди считают себя врагами вашими, и ненавидят, и проклинаяют вас, и нападают на вас, то вы все-таки любите их и делайте им добро. Все люди сыны одного отца. Все братья, и потому надо одинаково любить всех людей.

В этом пятая и последняя заповедь.

(Мф. 5, 21—48).

Вопросы: 1) В чем 1-я заповедь? 2) В чем 2-я? 3) В чем 3-я? 4) В чем 4-я? 5) В чем 5-я заповедь?

7

И сказал еще Иисус всем слушающим его о том, что будет от того, что они станут исполнять его заповеди.

– Не думайте, сказал он, что если не будете сердиться на людей, будете мириться со всеми, будете жить с одной женой, не будете клясться и присягать, не будете защищаться против обижающих вас, будете отдавать всё, что у вас просят, будете любить врагов, – не думайте, что если будете жить так, то жизнь ваша будет трудная, хуже той, какую вы ведете теперь. Не думайте этого, – жизнь ваша будет не хуже, а много лучше теперешней. Отец наш небесный дал нам свой закон не для того, чтобы жизнь наша стала хуже, а для того чтобы мы имели жизнь истинную.

Живите по этому учению, и придет царство божие, и всё, что вам нужно, будет у вас.

Птицам и животным бог дал свой закон, и когда они живут по этому закону, им хорошо. И вам будет хорошо, если будете исполнять закон бога. То, что я говорю, ведь я говорю не от себя, а это закон бога, и закон этот записан в сердцах всех людей. Если бы закон этот не давал всем людям блага, бог не дал бы его.

Закон вкратце в том, чтобы любить бога и ближнего, как самого себя. Тот, кто исполняет этот закон, поступает с дру-

гими, как он хочет, чтобы другие поступали с ним.

И потому всякий, кто слушает слова эти мои и исполняет их, делает то же, что делает человек, строящий дом на камне: такой человек не боится ни дождя, ни разлива рек, ни бурь, потому что дом его построен на камне. А всякий, кто слушает слова мои и не исполняет их, тот делает то же, что делает человек безрассудный, если строит дом свой на песке. Такой дом не устоит ни от воды, ни от бурь и упадет и разрушится.

И когда Иисус окончил эти слова, народ дивился учению его.

(Мф. 6, 26—33; 7, 24—28).

Вопросы: 1) Что будет, если будешь исполнять 5 заповедей? 2) Почему не надо бояться, что от исполнения этих заповедей будет хуже? 3) В чем закон животных и в чем закон людей? 4) В чем вкратце весь закон и в чем его исполнение?

8

И после этого стал Иисус притчами толковать всему народу про то, как надо понимать царство божие.

Первую притчу он сказал такую:

Когда человек посеет семена на своем поле, то он не думает о них, а спит ночью и встает днем и делает свои дела, не заботясь о том, как семя выходит и растет. Семена же сами собой бухнут, прорастают, выходят в зелень, в трубку, в колос и наливают зерна. И только тогда, когда поспеет урожай, посылает хозяин жнецов, чтобы сжать ниву.

Так и бог не устанавливает своей силой царство божие среди людей, а предоставил самим людям делать это.

Вторую притчу Иисус сказал о том, что если в человеке нет внутри его царства божия, то такого человека не принимает бог в свое царство, а оставляет его в миру до тех пор, пока он сам не сделается достойным царства божия. Он сказал: – Царство божие похоже на то, как рыбак протягивает по морю сети и захватывает всякую рыбу; захватив же рыбу, отбирает тех, какие нужны, ненужных же пускает опять в море.

И об этом сказал еще третью притчу:

Посеял хозяин хорошие семена в поле своем. И стали вырастать семена, выросла среди них и дурная трава. И вот работники пришли к хозяину и говорят: или ты плохие семена сеял? У тебя на поле много дурной травы вышло. Пошли нас, мы выколем. А хозяин говорит: не надо, а то вы станете полоть дурную траву и потопчете пшеницу. Пускай растут вместе. Придет жатва, тогда велю жнецам отобрать пшеницу, а дурную траву бросить.

Так и бог не позволяет людям вступаться в жизнь других людей и сам не вступается в нее. Каждый человек только сам, своими силами может прийти к богу.

(Мр. 4, 26—29; Мф. 13, 47, 48, 24—30).

Вопросы: 1) О чем Иисус толковал народу притчами? 2) Какая первая? 3) Какая 2-я? 4) Какая 3-я?

И кроме этих притч, сказал Иисус еще такую притчу о царстве божием. Он сказал:

Когда высевают семена на поле, то не все семена вырастают одинаково. А бывает с семенами так: одни семена попадают на дорогу, и налетают птицы и выклевают их; есть еще такие семена, что попадают на каменистую землю, и эти семена хоть и прорастают, но ненадолго: не в чем им корениться, ростки скоро засыхают; и есть еще и такие семена, что попадают в бурьян, и бурьян заглушает их. А есть такие, что попадают в хорошую землю и вырастают и приносят от одного зерна 30 и 60 зерен.

Так же люди бывают такие, что не принимают царство божие в сердце свое, приходят к ним искушения плоти и похищают посеянное, – это семена на дороге. На каменистой земле семена – это когда люди сперва с радостью принимают учение, а потом, когда приходят обиды, гонения из-за учения, то отказываются от него.

Семена в бурьяне – это когда люди и поняли смысл царства божьего, но заботы мирские и жадность к богатству заглушают в них смысл учения. На хорошей же земле семена – это те, кто понял смысл царства и принял его в сердце свое, – эти люди дают плод и сам-30, и сам-60, и сам-100. Так что тот, кто удержал то, что дано ему, тому дается многое, а кто не удержал, у того последнее отнимается. И потому всеми

силами старайтесь вступить в царство божие. Ничего не жалейте, только бы войти в него.

Делайте так, как сделал тот человек, который, когда узнал о том, где был зарыт большой клад, продал всё, что имел, и купил тот участок земли, где был клад, и стал богачом. Так и вы поступайте.

Помните, что малое усилие для царства божия дает большие плоды: всё равно, как из малого семечка вырастает высокое дерево.

Всякий человек может одними своими силами войти в царство божие, потому что царство божие внутри нас.

(Мф. 13, 3—8, 12, 19—23, 31, 32, 44—46; Лк. 16, 16).

Вопросы: 1) О чем сказал Иисус еще притчу? 2) В чем притча? 3) Что она значит? 4) Как надо добиваться царства божия? 5) Что бывает от усилия?

10

И услышав эти слова, один фарисей, по имени Никодим, пришел к Иисусу и спросил его: как понимать то, что царство божие внутри нас?

И Иисус сказал: – Царство божие внутри нас значит то, что всякий человек, чтобы войти в царство божие, должен родиться снова.

А Никодим спросил: – Как же может человек родиться снова? Разве может человек войти в брюхо матери и опять родиться?

Иисус сказал ему: – Родиться снова значит родиться не плотским рождением, как рождается ребенок от матери, а родиться духом. Родиться же духом значит понять то, что дух божий живет в человеке и что, кроме того, что всякий человек рожден от матери, он рожден еще от духа бога. Рожденное от плоти – плоть, оно страдает и умирает, рожденное же от духа – дух и живет само собой и не может ни страдать, ни умирать.

Бог вложил дух свой в людей не для того, чтобы они мучались и погибали, а для того, чтобы они имели жизнь радостную и вечную. И всякий человек может иметь такую жизнь. Такая жизнь и есть царство божие.

И потому царство божие надо понимать не так, что для всех людей в какое-нибудь время и в каком-нибудь месте придет царство божие, а так, что если люди признают в себе дух божий и живут им, то такие люди вступают в царство божие и не страдают и не умирают; если же люди не признают в себе духа и живут для тела, то такие люди страдают и погибают.

(Ин. 3, 1—21).

Вопросы: 1) О чем спрашивал Никодим Иисуса? 2) Что отвечал Иисус? 3) Что еще спросил Никодим? 4) Что отвечал Иисус? 5) Для чего бог вложил дух свой в человека?

И всё больше и больше народа ходило за Иисусом и слу-

шало его учение. И фарисеям это стало неприятно, и они начали придумывать, как бы обвинить Иисуса перед народом.

Шел раз Иисус в субботу с учениками через поле. Ученики рвали по дороге колосья, растирали их в руках и ели зерна. А по учению евреев бог установил с Моисеем завет о том, чтобы люди ничего не работали в субботу, а только молились богу. Увидали фарисеи, что ученики Иисуса трут колосья в субботу и остановили учеников и сказали им: – Так не годится делать в субботу. В субботу нельзя работать, а вы растираете колосья. В законе сказано, что следует казнить смертью тех, кто работает в субботу.

Иисус услышал это и сказал: – Пророк сказал, что бог хочет любви, а не жертвы. Если бы вы понимали эти слова, вы не осуждали бы моих учеников. Человек важнее субботы. – И фарисеи не знали, что ответить на эти слова, и замолчали.

В другой раз фарисеи увидели, что Иисус пришел в дом к сборщику податей Матфею и обедал вместе со всеми домашними. А те, с кем он обедал, считались у фарисеев неверными. Фарисеи стали осуждать Иисуса: они говорили, что незаконно есть с неверными.

А Иисус сказал: – Я учу истине всех, кто хочет научиться истине. Вы считаете себя верными и думаете, что знаете истину, и потому вас уже нечему учить. Учить, стало быть, можно только неверных. А как же они научатся истине, если мы не будем сходить с ними?

Тогда фарисеи, не зная, что ответить на это, стали укорять

учеников Иисуса за то, что они едят хлеб неумытыми руками. Сами же они строго вели по своему преданию, как мыть руки и посуду. И всё, что с торгу, если не вымыли, не ели.

На эти слова Иисус сказал: – Вы упрекаете нас за то, что мы не соблюдаем омовения, когда едим, но ведь осквернить человека не может то, что входит в тело человека. Оскверняет человека то, что выходит из души человека, потому что из души человека выходит зло, блуд, убийство, воровство, корысть, злоба, обман, наглость, зависть, клевета, гордость и всякое зло. Всё зло выходит из души человека, и только зло может осквернить человека. Пусть будет у вас в душе любовь к братьям, и тогда всё будет чисто.

(Мф. 12, 1—8; 9, 9—13; Мр. 7, 1—5, 14—23).

Вопросы: 1) Что думал фарисей об учении Иисуса? 2) В чем сначала обвиняли его учеников? 3) Что отвечал Иисус? 4) В чем обвиняли в другой раз? 5) Что отвечал Иисус? 6) В чем обвиняли в третий раз? 7) Что отвечал Иисус?

12

Отошел один раз Иисус от учеников и стал молиться. И когда он кончил, ученики подошли к нему и сказали: – Учитель, научи нас молиться.

И он сказал им:

– Прежде всего, молиться надо не для того, как это часто делается, чтобы люди видели вас и хвалили за это. Если так делают, то делают это для людей, и от людей бывает и награда

за это. Но для души нет пользы от такой молитвы. Вы же, если хотите молиться, то зайдите в такое место, где бы никто не видал вас, и там молитесь отцу своему, и отец ваш даст вам то, что нужно для души вашей.

И когда молитесь, не говорите лишнего. Отец ваш знает, что вам нужно, и если вы и не скажете всего, он даст вам всё то, что нужно душе вашей.

Молиться прежде всего надо о том: чтобы свят был в нас дух божий; чтобы пришло царство божие в душу нашу; чтобы жить нам не по своей воле, а по воле бога; чтобы не желать нам лишнего, а только дневного пропитания; чтобы помог нам отец наш прощать братьям нашим грехи их и чтобы помог нам избавиться от соблазнов и зла.

Молитва ваша пусть будет такая: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя твое; да приидет царство твое; да будет воля твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на каждый день; и прости нам грехи наши, так же как и мы прощаем всем тем, кто согрешил против нас; и избавь нас от искушения и от зла.

Молиться надо так, но если хотите молиться, то прежде всего подумайте о том, нет ли у вас на душе зла на кого-нибудь, и если вспомните, что есть зло на кого-нибудь, то подите прежде и помиритесь с тем, на кого держите зло, и если не можете найти того человека, то в сердце своем вырвите зло против него, и тогда только молитесь. Тогда только молитва ваша будет на пользу вам.

(Лк. 11, 1; Мф. 6, 5—13; Мр. 11, 25—26; Мф. 5, 23—24).

Вопросы: 1) Кто и когда спросил Христа о молитве? 2) Как Христос не велел молиться? 3) Отчего так не надо молиться? 4) Как и где надо молиться? 5) Что бывает от молитвы? 6) Отчего не надо говорить лишнего в молитве? 7) О чем первое надо молиться? 8) О чем 2-е, 3-е, 4-е, 5-е, 6-е? Какие слова молитвы? 10) Что надо сделать перед молитвой?

13

Случилось раз Иисусу войти к фарисею обедать. И пока он сидел в доме у фарисея, пришла женщина городская. Она была неверная. Она узнала, что Иисус в доме у фарисея, и пришла туда же и принесла склянку с духами. И стала на колени у ног Иисуса и заплакала, и слезами обливала его ноги, и вытирала волосами и поливала духами из склянки.

И увидав это, фарисей соблазнился и подумал про Иисуса: если б человек этот точно был пророк, то он узнал бы, что женщина эта неверная и распутная, и не позволил бы ей дотрагиваться до себя.

Иисус догадался о том, что думал фарисей, обернулся к нему и говорит:

– Сказать тебе, что я думаю?

– Скажи, – говорит фарисей.

Иисус и говорит:

– Вот что: два человека считали себя должными одному богачу, один 500 рублей, а другой 50. И не было чем отдать

ни тому, ни другому. Богач и простил им обоим. Ну, как по твоему разуму, кто из двух будет больше любить богатого человека и ухаживать за ним?

Фарисей и говорит:

– Известно, тот, кто больше был должен.

Иисус показал на женщину и говорит:

– Так-то – ты и эта женщина. Ты считаешь себя правоверным и потому малым должником перед богом; она считает себя неверною и потому большим должником. Я пришел к тебе в дом, ты не дал мне воды ноги умыть, она слезами умывает и волосами отирает мои ноги. Ты не поцеловал меня, а она целует мои ноги. Ты не дал мне масла голову помазать, а она дорогими духами поливает мне ноги. Она считает себя большой грешницей, и потому ей легко любить людей. А ты считаешь себя праведным, и потому тебе трудно любить. А тому, кто любит много, всё прощается.

(Лк. 7, 36—48).

Вопросы: 1) Что случилось, когда Иисус обедал у фарисея? 2) Что подумал фарисей? 3) Что сказал ему Иисус?

14

В другой раз проходил Иисус Самарию. Уморился он и сел у колодца. А ученики его пошли в город за хлебом. И приходит из деревни женщина за водой. Иисус попросил у нее напиться. Женщина и говорит ему: – Ведь вы, иудеи, с нами, самарянами, не общаетесь. Так как же ты просишь у

меня пить? Иисус же сказал ей: – Если бы ты знала меня и то, чему я учу, ты бы не говорила так, а дала бы мне пить, и я бы дал тебе пить воды жизни.

Женщина не поняла его и сказала: – Откуда ты возьмешь какой-то другой воды? Тут только и есть вода что в этом колодце отца нашего Иакова.

И он сказал ей: – Кто напьется твоей воды, тот опять захочет пить, а кто моей воды напьется, тот всегда будет доволен и даже других людей своей водой поить будет.

Женщина поняла, что он говорит о божественном, и говорит: Да ведь я самарянка, а ты иудей, и потому тебе нельзя научить меня. Наши на этой горе молятся, а вы, иудеи, говорите, что только в Иерусалиме дом бога.

И Иисус сказал: – Это было прежде, а теперь пришло время, когда люди будут молиться отцу и не на этой горе и не в Иерусалиме, а все будут почитать отца небесного не в том или другом месте, а в духе и истине. Бог – это дух, и почитать его надо в духе и истине.

Женщина не разобрала, что он сказал ей, и говорит: – Слышала я, что посланник божий придет, тогда всё разъяснит.

А Иисус сказал: – Пойми, женщина, что я сказал тебе, и ничего не жди больше.

(Ин. 4, 4—26).

Вопросы: 1) Кого встретил Иисус у колодца в Самарии? 2) Что ему сказала женщина? 3) Что он сказал ей?

Иисус сам ходил и проповедывал по городам и селам, а кроме того, послал учеников своих в те места, где хотел сам побывать. Он сказал им:

– Много людей не знают блага настоящей жизни, всех жалко мне и всем хотел бы открыть то, что знаю. Как хозяин не может сам управиться с своим полем и зовет на жатву рабочих, так и я. Идите по разным городам и везде разглашайте учение царства бога. Говорите людям заповеди царства и сами во всем исполняйте эти заповеди.

Я посылаю вас, как овец среди волков. Будьте мудры, как змеи, и чисты, как голуби. Первее всего, ничего не имейте своего, ничего не берите с собой: ни мешка, ни хлеба, ни денег, только платье на теле да обувь.

И не делайте различия между людьми, не выбирайте хозяев, куда вам заходить. А в какой первый придете дом, в том и оставайтесь. Когда придете в дом, поздоровайтесь с хозяевами. Если примут вас, входите; не примут – идите в другой дом.

Люди будут ненавидеть вас за то, что вы будете говорить, и будут на вас нападать и гонять вас из места в место, но вы не смущайтесь. И когда выгонят вас из одной деревни, вы идите в другую, а из той выгонят, идите в третью. Будут вас гонять, как волки гоняют овец, но вы не робейте. И будут на суды водить вас, и будут сечь вас, и будут водить к начальни-

кам, чтобы вы оправдывались перед ними. И когда вас будут водить на суды и к начальникам, не думайте, что вам сказать, а знайте, что в вас живет дух отца вашего, и он скажет то, что нужно сказать.

Люди могут убить ваше тело. Но душам вашим они ничего не могут сделать, и потому не бойтесь людей. А бойтесь только того, чтобы не погибла душа ваша вместе с телом, если вы отступите от исполнения воли отца, – вот чего вы бойтесь. Ни одна птичка не погибает без воли отца. Без его воли не падает и волос с головы. Если вы в воле отца, так чего же вам бояться?

(Лк. 10, 1—7; Мф. 10, 7—12, 16—31).

Вопросы: 1) Куда и зачем Иисус послал учеников? 2) Какими он велел им быть? 3) Как велел ходить? 4) Как велел терпеть всё? 5) Отчего они ничего не должны бояться?

16

И посланные ученики ушли в одну сторону, а Иисус ходил с остальными учениками в другой стороне по деревням и селам. И случилось ему раз зайти в одну деревню. И одна женщина, звали ее Марфа, позвала его к себе в дом. И он вошел и стал говорить, и сестра Марфы, Мария, села у ног его и слушала его. А Марфа хлопотала об угощении.

И увидала Марфа, что сестра ее сидит у ног Иисуса и слушает его. Она подошла к Иисусу и сказала: – Я одна хлопочу по хозяйству, а сестра сидит, тебя слушает. Скажи ей, чтобы

она поработала со мной.

И Иисус сказал: – Марфа, Марфа! Заботишься и хлопочешь о многих делах, а одно только дело нужно. И Мария выбрала то одно, что нужно и чего никто не отнимет от нее. Для истинной жизни нужна не пища тела, а пища духа.

И об этом же сказал Иисус такую притчу:

Родилось раз у одного человека много хлеба. И подумал себе этот человек: теперь перестрою амбары, выстрою большие и соберу туда всё мое добро. И скажу душе моей: вот тебе, душа, всего вволю, отдыхай, ешь, пей и живи в свое удовольствие. И сказал ему бог: глупый, в нынешнюю ночь возьмут твою душу, и всё, что ты припас, другим достанется.

Так-то бывает и со всяким, кто готовит для плотской жизни, а не живет для души.

Только тот живет истинной жизнью, кто отказался от своей воли и готов на каждый час исполнять волю бога. Тот же, кто заботится о жизни плотской, тот губит жизнь истинную.

(Лк. 10, 38—42; 12, 15—21; 9, 23—25).

Вопросы: 1) Как Иисус пришел к Марфе? 2) Что сказала Марфа? 3) Что ответил Иисус? 4) Какую сказал притчу?

17

И случилось раз Иисусу слышать, как люди рассказывали про то, что Пилат убил галилеян, и еще про то, как завалилась башня и задавила 18 человек. И Иисус сказал на это народу: что, как вы думаете, были в чем-нибудь особенно ви-

новаты эти люди? Мы все знаем, что люди эти были ничем не хуже нас. И то, что с ними случилось, может всякую минуту случиться и с нами. Все мы не нынче – завтра также можем умереть. Смерти нам не миновать, так и нечего нам беречь свою плотскую жизнь. Ведь мы знаем, что она скоро кончится. Беречь нам надо то, что не умирает, – жизнь духа.

И сказал на это Иисус такую притчу:

Была у хозяина в саду бесплодная яблоня. Хозяин и говорит садовнику: вот три года хожу, и яблоня эта всё без плода. Надо срубить ее, а то она только напрасно место занимает. А садовник говорит: погодим еще, хозяин, дай я ее окопаю, обложу навозом, и посмотрим на лето. Может, и даст плод. А и на лето не даст, ну, тогда срубим.

То же и с нами. Пока мы живем одной плотью и не принесим плода жизни духа, хозяин не срубает нас, не предает нас смерти, потому что ожидает от нас плода – жизни духа. А не принесет плода, то не миновать погибели. Чтобы понять это, не нужно никакой мудрости; всякий это сам видит. Ведь не то, что в домашних делах, а и в том, что на всем свете делается, умеем мы рассуждать и вперед догадываться. Если ветер с запада, мы говорим: к дождю, и так и бывает. А ветер с полдня, мы говорим: к вёдру, – и так и бывает. Что же мы погоду узнавать умеем, а того вперед угадать не можем, что все мы помрем и что беречь нам надо не умирающую жизнь тела, а неумирающую жизнь духа.

(Лк. 13, 1—9; 12, 54—57).

Вопросы: 1) Что говорил Христос о галилеянах и о смерти? 2) В чем притча об яблоне? 3) К чему притча? 4) Мы умны во всем, а чего не понимаем?

18

И в другой раз Иисус сказал народу притчу о том, чему подобна жизнь человеческая. Он сказал:

Был один богатый человек, и надо было ему уехать из дома своего. И вот перед отъездом призвал он рабов своих и роздал им десять фунтов серебра, каждому по одному, и сказал: работайте каждый над тем, что я дал, пока я буду в отлучке. Сказал так и уехал. И когда он уехал, рабы стали свободны и жили, как хотели. И вот, как вернулся этот богатый человек из отлучки, призвал он рабов своих и велел им сказывать, что каждый сделал с его серебром. Пришел первый и говорит: вот, хозяин, на твой фунт серебра я заработал десять. И сказал ему хозяин: хорошо, добрый слуга, ты в малом был верен, я над большим тебя поставлю, будь заодно со мной во всем моем богатстве.

Пришел другой раб и сказал: вот, хозяин, на твой фунт серебра я заработал пять. И сказал ему хозяин: хорошо сделал, добрый раб, и ты будь со мной заодно во всем моем имении.

Пришел и третий раб и сказал: вот тебе, господин, твое серебро, я его завернул в платок и берег его у себя, потому что знаю тебя: ты человек строгий, берешь, где не клал, и собираешь, где не сеял, и я боялся тебя. И хозяин сказал:

глупый раб, твоими словами буду судить тебя. Ты говоришь, что из страха передо мной берег мое серебро у себя и не работал над ним? Если ты знал, что я строг и беру там, где не клал, так зачем же ты не сделал того, что я велел тебе сделать? Если бы ты работал на мое серебро, имения бы прибавилось, и ты исполнил бы то, что я велел тебе. Теперь же ты не сделал того самого, зачем я давал тебе серебро, и потому тебе нельзя и владеть им.

И велел хозяин взять серебро у того, кто не работал над ним, и отдать его тому, кто больше работал. И тогда слуги сказали хозяину: господин, у тех и так много. Хозяин же сказал: дайте тем, кто много работал, потому что тому, кто блюдет то, что дано ему, прибавляется, а у того, кто не блюдет, у того и последнее отнимается.

Такова и жизнь людей, сказал Иисус. Богатый хозяин – это отец. Рабы его – это люди. Серебро – это дух божий в людях. Как хозяин не сам работает над своим имением, а велит рабам работать каждому на то, что дано ему, так и отец небесный дал людям дух свой для того, чтобы они увеличивали его в себе, работали над тем, что было дано им. И разумные люди понимают то, что жизнь духа дана им для того, чтобы служить воле отца, и увеличивают в себе жизнь духа и становятся участниками жизни отца. Неразумные же люди, как глупые рабы, боятся потерять свою телесную жизнь и исполняют только свою волю, а не волю отца, и потому лишаются истинной жизни.

Такие люди теряют то, что есть самого драгоценного, — жизнь духа. И потому нет более вредной ошибки людской, как то, чтобы признавать жизнь свою в теле, а не в духе. Надо быть заодно с духом жизни. Кто не заодно с ним, тот против него. Надо служить духу жизни, а не своему телу.

(Лк. 19, 11—26; Мф. 25, 14—30; Лк. 11, 23).

Вопросы: 1) Что сделал, в притче, хозяин, уезжая, и что сделали без него рабы? 2) Что сделал хозяин, вернувшись? 3) На что похожа жизнь человеческая? 4) Кто хозяин, кто рабы? 5) Что делают разные люди и что бывает с ними?

19

Привели раз к Иисусу детей. Ученики стали отгонять детей. Иисус увидал это и сказал: — Напрасно вы детей отгоняете. Детей не отгонять надо, а учиться у них надо, потому что они ближе, чем взрослые, к царству божию. Дети не ругаются, не держат зла, не блудят, не клянутся, ни с кем не судятся, не знают различия между своим народом и чужим. Дети ближе, чем взрослые, к царству небесному. Надо не отгонять детей, а заботиться о том, чтобы не вводить их в соблазны.

Соблазны губят людей тем, что под видом добра и приятности заманивают их в самые вредные дела. Только поддайся человек соблазну, и он губит и тело и душу. И потому лучше пострадать телом, чем попасться в соблазн. Как лисица, попавши в капкан, отгрызает себе лапу, только чтобы спасти себя всю, так и всякому человеку лучше пострадать телом,

чем отдаться соблазну. Лучше погибнуть не только руке, ноге, всему телу, только бы не полюбить зла и не привыкнуть к нему. Горе миру от соблазнов. Через соблазны входит всё зло в мир.

(Мф. 19, 13, 14; 18, 2—9; Лк. 18, 17).

Вопросы: 1) Что сказал Иисус ученикам, когда они отгоняли детей? 2) От чего надо ограждать детей? 3) От чего главное зло в мире? 4) Что такое соблазны? 5) Как надо освобождаться от них?

20

И еще сказал Иисус, что из всех соблазнов самый вредный – это соблазн гнева. Человек гневается на брата своего за грехи его и думает, что он этим гневом своим может исправить брата от грехов, а забывает то, что никто не может быть судьей брата своего, потому что каждый из нас полон грехов; и что прежде, чем исправлять брата, надо исправить самого себя. А то мы видим соринку в глазу брата, а не видим щепы в своем собственном. И потому, если считаешь, что брат твой поступил дурно, то пойди к нему, выбери такое время и место, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз, и тогда скажи ему кротко то, что имеешь против него. Если послушает тебя, то он вместо того, чтобы быть врагом тебе, станет твоим другом. Если же не послушает, то пожалей его и уже не имей с ним дела.

И один из учеников спросил: – А если он не послушает и

опять обидит меня? Опять простить ему? А если он опять и опять обидит меня и в третий, и в четвертый, и в седьмой раз, неужели всё прощать ему?

И Иисус сказал: – Не то что семь раз, а семьдесят раз семь, без конца прощать надо, потому что, как прощает нам бог все грехи наши, если мы каемся в них, так и нам надо без конца прощать братьям своим.

(Мф. 7, 1—5; 18, 15—22).

Вопросы: 1) Какой самый вредный соблазн? 2) В чем этот соблазн? 3) Как надо поступать, если считаешь, что брат сделал дурно? 4) Сколько раз надо прощать?

21

И об этом сказал Иисус еще такую притчу. Он сказал:

Стал один богач считаться с своими должниками. И привели ему должника такого, что должен был тысячи рублей. И нечем было ему отдать. И мог богач за это продать и имение должника, и жену, и детей, и его самого. Но стал должник просить милости у богача. И богач помиловал его и простил весь долг. И вот пришел к этому самому человеку его должник, бедный человек, и стал просить о том, чтобы простил долг его. Но помилованный должник не помиловал своего должника, а потребовал сейчас же уплаты всего долга. И как ни кланялся и ни упрашивал бедный человек, не помиловал его помилованный должник и посадил бедняка в тюрьму. Увидали это люди и пошли к богачу и сказали, что

сделал этот человек. Тогда позвал богач должника и говорит ему: я тебе весь долг простил, потому что ты умолил меня. И тебе надо было миловать должника своего за то, что я тебя помиловал. А ты что сделал? И подал богач в суд на должника своего.

То же бывает и с нами, если мы не прощаем от всего сердца всем тем, кто виноват перед нами. Всякая ссора с братом связывает нас и удаляет нас от отца. И потому для того, чтобы нам не удаляться от бога, нам надо прощать братьев своих и быть в мире и любви с ними.

(Мф. 18, 23—35, 18, 19).

Вопросы: 1) В чем притча о хозяине и должнике? 2) Что она означает? 3) Отчего надо тушить всякую ссору?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.